

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Ив. Бунинъ.

Томъ II.

Стихотворенія.

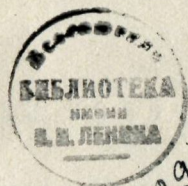
1889—1902 г.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ портретомъ.

Цѣна 1 рубль.

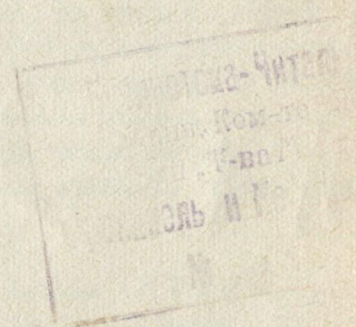
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

И. В. Бунин

ЛИСТОПАДЪ.

1889—1900 г.

ЛИСТОПАДЪ.

ОСЕННЯЯ ПОЭМА.

М. ГОРЬКОМУ.

Лѣсъ, точно теремъ росписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Веселой, пестрою стѣной
Стоитъ надъ свѣтлою поляной.

Березы желтою рѣзьбой
Блестятъ въ лазури голубой;
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ, то здѣсь въ листвѣ сквозной
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступила нынче въ теремъ свой.

Какъ хорошо ей! На полянѣ
Среди широкаго двора,

Воздушной паутины ткани
Блестятъ, какъ сѣтъ изъ серебра.
Просѣка узкая, какъ сѣни,
Уходитъ въ теремъ, а по ней
Лежитъ коверъ листьвы осенней
Среди кустарниковъ и пней.
Тамъ, въ потаенномъ чернолѣсьи,
Всегда затишье: частый боръ
Надъ нимъ темнѣтъ въ поднебесьи
И окружаетъ свѣтлый дворъ.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворѣ послѣдній мотылекъ
И, точно бѣлый лепестокъ,
На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ тепломъ;
Сегодня такъ свѣтло кругомъ,
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ синей вышинѣ,
Что можно въ этой тишинѣ
Разслышать листика шуршанье.
Лѣсъ, точно теремъ росписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Стоитъ надъ солнечной поляной,
Завороженный тишиной.
Заквохчетъ дроздъ, перелетая
Среди подсѣда, гдѣ густая
Листва янтарный отблескъ льетъ;
Играя въ небѣ промелькнетъ
Скворцовъ разсыпанная стая—
И снова все кругомъ замретъ...
Лѣсъ розовѣетъ. А въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,

Глядитъ и синева долинъ,
И мелколѣсье, и болота,
И даль лиловыхъ деревень...
Какъ хорошо! Но жаль кого-то,
И грустно Осени весь день.

Порой задумчиво выходитъ
Она на солнце изъ воротъ
И бродитъ въ полѣ и не сводитъ
Очей съ желтѣющихъ болотъ.
Тамъ, по лощинамъ и полянамъ,
Густыхъ кустарниковъ бугры
Раскинулись широкимъ станомъ
Какъ темно-красные шатры.
Тамъ путь на югъ. Съ нѣмой печалью
На край небесъ глядитъ она,
Гдѣ даль слилась съ небесной далью,
Мечтами тихими полна.
А день уходитъ. Небо ясно,
Прозрачный воздухъ сухъ и тихъ,
Лѣса алѣютъ... И безгласно
Уходитъ свѣтлый день отъ нихъ.

Онъ умираетъ, точно счастье.
Ужъ знаетъ Осень, что такой
Глубокій и нѣмой покой—
Предвѣстникъ долгаго ненастья.
Все строже въ даль она глядитъ,
Все рѣзче тайное страданье
Въ ея нѣмыхъ очахъ сквозить...

Какое вѣщее молчанье!
Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
И на зарѣ, когда съ заката
Пурпурный блескъ огня и злата
Пожаромъ теремъ освѣщалъ.
Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло...
Луна восходитъ, а въ лѣсу
Ложатся тѣни на росу...
Вотъ стало холодно и бѣло
Среди полянъ, среди сквозной
Осенней чащи помертвѣлой,
И жутко Осени одной
Въ пустынной тишинѣ ночной!

Теперь ужъ тишина другая:
Прислушайся—она растетъ;
А съ нею, блѣдностью пугая,
И мѣсяцъ медленно встаетъ.
Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ—
И вотъ ужъ смотреть прямо въ очи
Съ туманной высоты небесъ.
О, мертвый сонъ осенней ночи!
О, жуткій часъ ночныхъ чудесъ!
Въ сребристомъ и сыромъ туманѣ
Свѣтло и пусто на полянѣ;
Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
Своей застывшей красотой
Какъ будто смерть себѣ пророчить.
Сова и та молчитъ: сидитъ
Да тупо изъ вѣтвей глядитъ.

Порою дико захохочетъ,
Сорвется съ шумомъ съ высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядетъ на кусты
И смотреть круглыми глазами,
Вода ушастой головой
По сторонамъ, какъ въ изумленьи...
А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣннѣ,
Наполненъ блѣдной, легкой мглой
И листьевъ сыростью гнилой...

На утро блѣдной и больною
Проснется Осень. На дворѣ
Темно и хмуро. За стѣною
Бушуетъ боръ, какъ въ ноябрѣ.
Теперь ужъ долго не проглянетъ
На небѣ солнце. Дождь и мгла
Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманятъ...
Недаромъ эта ночь прошла!
Но Осень затаитъ глубоко
Все, что она пережила
Въ нѣмую ночь, и одиноко
Запретъ въ теремѣ своемъ:
Пусть боръ бушуетъ подъ дождемъ!
Пусть мрачны и ненастны ночи,
И на полянѣ волчьи очи
Зеленымъ свѣтятся огнемъ!
Лѣсъ, точно теремъ безъ призора,
Весь потемнѣлъ и полинялъ,
Сентябрь, кружась по чащамъ бора,
Съ него мѣстами крышу снялъ,

А входъ сырой листвою усыпаль;
Потомъ зазимокъ ночью выпаль
И хоть растаяль, но кругомъ
Уже повѣяло морозомъ...
Зачѣмъ же предаваться грезамъ,
Зачѣмъ и думать о быломъ?

Трубить рога въ поляхъ далекихъ;
Звенить ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,
Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туриный,
Скликаая на добычу псовъ,
И звучный гамъ ихъ голосовъ
Разноситъ бури шумъ пустынный.
Льетъ дождь, холодный, точно ледъ,
Кружатся листья по полянамъ,
И гуси длиннымъ караваномъ
Надъ лѣсомъ держать перелетъ...
Но дни идутъ. Свѣжѣетъ просинь
Студеныхъ далей. Ихъ просторъ
Въ поля иныя тянетъ Осень...
Близка зима, стихаетъ боръ.

И вотъ встаютъ столбами дымы
Въ селѣ на утренней зарѣ;
Лѣса багряны, недвижимы,
Земля въ морозномъ серебрѣ.

И въ горностаевомъ шугаѣ,
Умывши блѣдное лицо,
Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,
Выходитъ Осень на крыльцо.
Дворъ пустъ и холоденъ. Въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Видна ей синева долинъ
И ширь пустынного болота,—
Дорога на далекий югъ.
Туда отъ зимнихъ бурь и вьюгъ,
Отъ зимней стужи и метели
Давно ужъ птицы улетѣли;
Туда и Осень поутру
Свой одинокий путь направить
И навсегда въ пустомъ бору
Раскрытый теремъ свой оставить...

Прости же, лѣсъ! Прости, прощай!
День будетъ ласковый, хороший,
И скоро мягкою порошей,
Засеребрится мертвый край.
Какъ будутъ странны въ этотъ бѣлый,
Пустынный и холодный день
И боръ, и теремъ опустѣлый,
И крыши тихихъ деревень,
И небеса, и безъ границы
Въ нихъ уходящія поля!
Какъ будутъ рады соболя,
И горностаи, и кунцы,
Рѣзвась и грѣясь на бѣгу
Въ сугробахъ мягкихъ на лугу!

А тамъ, какъ буйный плясъ шамана,
Ворвутся въ голую тайгу
Вѣтры изъ тундры, съ океана,
Гудя въ крутящемся снѣгу
И завывая въ полѣ звѣремъ.
Они разрушатъ старый теремъ,
Оставятъ колья и потомъ
На этомъ остовѣ пустомъ
Повѣсятъ инеи сквозные,
Воздвигнутъ арки кружевные—
И будутъ въ небѣ голубомъ
Сіять чертоги ледяные
И хрусталемъ, и серебромъ.

А въ ночь, межъ бѣлыхъ ихъ разводовъ,
Взойдутъ огни небесныхъ сводовъ,
Заблещетъ звѣздный щитъ Стожаръ—
Въ тотъ часъ, когда среди молчанья
Морозный свѣтится пожаръ,
Расцвѣтъ Полярнаго Сіянья...

НА РАСПУТЬИ.

изъ поэмы „РУСЬ“.

В. М. ВАСНЕЦОВУ.

На распути въ дикомъ древнемъ полѣ
Черный воронъ на крестѣ сидитъ.
Заросла бурьяномъ степь на волѣ,
И въ травѣ заржавѣлъ старый щитъ.

На распути люди начертали
Роковую надпись: „Путь прямой
Много бѣдъ готовитъ, и едва ли
Ты по немъ воротишься домой.“

„Путь направо безъ коня оставить,—
Побредешь одинъ и сиръ, и нагъ,—
А того, кто влѣво путь направитъ,
Встрѣтитъ смерть въ незнаемыхъ поляхъ.“

Жутко мнѣ. Вдали стоятъ могилы,—
Въ нихъ былое дремлетъ вѣчнымъ сномъ...

„Отзовися, воронъ чернокрылый!
Укажи мнѣ путь въ краю глухомъ.

„Я покинулъ островъ Царь-Дѣвицы,
Сине море, теремъ и сады,
Не ищу я по свѣту Жаръ-Птицы,—
Укажи мнѣ ключъ Живой Воды!“

Дремлетъ полдень. На тропахъ звѣриныхъ
Тлѣютъ кости въ травахъ. Три пути
Вижу я въ желтѣющихъ равнинахъ...
Но куда и какъ по нимъ итти?

Гдѣ равнина дикая граничить?
Кто, пугая чуткаго коня,
Въ тишинѣ изъ синей дали кличетъ
Человѣчьимъ голосомъ меня?

И ужели нѣтъ пути иного,
Гдѣ бы могъ пройти я, не губя
Ни надеждъ, ни счастья, ни былого,
Ни коня, ни самого себя?

Вѣтъ поле тишиной великой!
Мертвецы въ могилахъ древнихъ спать.
Очарованъ красотою дикой,
Опускаю я покорно взглядъ.

И одинъ я въ полѣ, и отважно
Жизнь зоветь, а смерть въ глаза глядитъ...
Черный воронъ сумрачно и важно,
Полусонный, на крестѣ сидитъ.

В И Р Ь.

Гдѣ ельникъ сумрачный стоитъ
Въ лѣсу зубчатымъ темнымъ строемъ,
Гдѣ старый позабытый скитъ
Манитъ задумчивымъ покоемъ,

Есть птица Вирь. Ея уборъ
Весь сѣро-аспиднаго цвѣта,
Головка въ хохолкѣ, а взоръ
Исполненъ скорбнаго привѣта.

Она такъ жалостно поетъ,
Съ такою нѣжностью глубокой,
Что если къ скиту забредетъ
Случайно путникъ одинокій—

Онъ не покинетъ тѣ мѣста:
Лѣсъ молчаливый и унылый
И скорбной пѣсни красота
Полны неотразимой силы

Вирь тихо плачетъ межъ вѣтвей,
Вирь состраданія не знаетъ,
И человѣкъ идетъ за ней
И дней печальныхъ не считаетъ.

Безмолвной жалостью къ себѣ,
Томленьемъ сладостнымъ объятый,
Покорный горестной судьбѣ,
Онъ помнитъ лишь одни закаты.

И вотъ, когда въ лѣсу пустомъ
Горитъ заря, а ельникъ черный
Стоитъ на фонѣ золотомъ
Стѣною траурно-узорной,

Съ какой отрадой ловить онъ
Все, что зарей еще печальнѣй!—
Вечерній колокольный звонъ,
Напѣвы женщинъ въ рощѣ дальней.

И гулъ сосны, и вѣтерка
Однообразный шелестъ въ чащѣ...
Невыразима ихъ тоска,
И нѣтъ ея больнѣй и слаще!

Когда же лѣсъ, одѣтый тьмой,
Сгустится въ ней, и тьма сольется

Съ его могильной бахромой,—
Вирь въ темнотѣ тревожно вьется,

Въ испугѣ бьется средь вѣтвей,
Тоскливо стонетъ и рыдаетъ,
И тѣмъ тоскливѣй, тѣмъ грустнѣй,
Чѣмъ челоуѣкъ больнѣй страдаетъ...

57

ИЗЪ СКАЗКИ.

Все лѣсъ и лѣсъ. А день темнѣетъ.
Низы синѣютъ, и трава
Сѣдой росой въ лугахъ бѣлѣетъ...
Проснулась сѣрая сова.

На западъ сосны вереницей
Идутъ, какъ рать сторожевыхъ.
И солнце мутное Жарь-Птицей
Горитъ въ ихъ дебряхъ вѣковыхъ.

КОВЫЛЬ.

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?
Сл. о Пл. Игор.

1.

Что шумить-звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣтъ ночь передъ зарею,
Смутно травы шепчутся сухія,—
Сладкій сонъ ихъ нарушаетъ вѣтеръ.
Опускаясь низко надъ полями
По курганамъ, по могиламъ соннымъ,
Нависаетъ въ темныхъ балкахъ сумракъ.
Блѣдный день надъ сумракомъ забрезжилъ
И разсвѣтъ ненастный задымился...

Что шумить-звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣтъ ночь передъ зарею,
Сѣрой мглой подернулись балки..
Или это ратный станъ бѣлѣтъ?
Или снова вѣтъ вольный вѣтеръ
Надъ глубоко спящими полками?
Не ковыль-ли, старый и сонливый,
Онъ качаетъ, клонитъ и качаетъ,
Вежи половецкія колышетъ
И бѣжитъ-звенитъ старинной былью?

2.

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходитъ въ даль. Кругомъ все степь да степь.

Шумить трава дремотно и лѣнливо,
Нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣпь
Среди хлѣбовъ загадочно синѣтъ,
Кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣтъ
Въ задумчивыхъ, тоскующихъ поляхъ,
Да тѣнь отъ тучъ кочующихъ темнѣтъ.

А путь бѣжитъ... Не тотъ ли это шляхъ,
Гдѣ Игоря обозы проходили
На синій Донъ? Не въ этихъ ли мѣстахъ,
Въ глухую ночь, въ яругахъ волки выли,
А днемъ орлы на медленныхъ крылахъ,
Его въ степи безбрежной провожали
И клеткомъ псовъ на кости созывали,
Грозя ему великою бѣдой?

— Гей, отзовись, степной орелъ сѣдой!
Отвѣтъ мнѣ, вѣтеръ буйный и тоскливый!

...Безмолвна степь. Одинъ ковыль лѣнивый
Шуршитъ, склоняясь ровной чередой.

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ подымается,
Шумно по чашамъ идетъ,
Мертвые листья срываетъ и весело
Въ бѣшеной пляскѣ несетъ.

Только замретъ, припадетъ и послушаетъ,—
Снова взмахнетъ, а за нимъ
Лѣсъ загудитъ, затрепещетъ,—и сыплются
Листья дождемъ золотымъ.

Вѣетъ зимою, морозными вьюгами,
Тучи плывутъ въ небесахъ...
Пусть-же погибнетъ все мертвое, слабое
И возвратится во прахъ!

Зимнія вьюги—предтечи весенніе,
Зимнія вьюги должны
Похоронить подъ снѣгами холодными
Мертвыхъ къ приходу весны.

Въ темную осень земля укрывается
Желтой листвою, а подъ ней
Дремлетъ побѣговъ и травъ прозябаніе,
Сокъ животворныхъ корней.

Жизнь зарождается въ мракѣ таинственномъ...
Радость и гибель ея
Служать нетлѣнному и неизмѣнному—
Вѣчной красѣ Бытія!

*

Какъ флеромъ даль полей закрывъ на полчаса,
Прошелъ внезапный дождь косыми полосами—
И снова глубоко синѣютъ небеса
Надъ освѣженными лѣсами.

Тепло и влажный блескъ. Запахли медомъ ржи,
На солнцѣ бархатомъ пшеницы отливаютъ,
И въ зелени вѣтвей, въ березкахъ у межи,
Безпечно иволги болтаютъ.

И весель звучный лѣсъ, и вѣтеръ межъ березъ
Ужъ вѣетъ ласково, а бѣлыя березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы.

*

Къ побережью моря длинная аллея
Ведетъ вдали какъ будто въ небосклонъ:
Тамъ море подымается, синѣя
Межъ позабытыхъ мраморныхъ колоннъ.

Тамъ на прибой идутъ ступени стройно
И львы лежатъ, какъ сфинксы, надъ горой;
Далеко въ море, важно и спокойно
Они глядятъ вечернею порой.

А на скамьѣ межъ ними одиноко
Сидитъ она... Нѣтъ имени для ней,
Но знаю я, что нѣжно и глубоко
Она съ душой сроднилася моей.

Быть можетъ, сонъ создалъ мои картины.
Но пусть! Мой сонъ—печаль моей любви;
Вселилъ ее я въ тихія руины,
И мнѣ отрадны вымыслы мои.

Я-ль не любилъ? Я-ль не искалъ мятежно
Любви и счастья юность раздѣлить
Съ душою женской, свѣтлою и нѣжной,
И жизнь мою въ другую перелить?

Но та любовь, что душу посѣщала,
Оставила въ душѣ печальный слѣдъ,—
Она звала, она меня прельщала
Той радостью, которой въ жизни нѣтъ.

И отъ нея я взялъ воспоминанья
Лишь лучшихъ дней, и ужъ не ту люблю,
Кого любилъ... Люблю мечты созданья
И снова о несбыточномъ скорблю.

Вечерняя безмолвная аллея
Зоветъ меня къ скалистымъ берегамъ,
Гдѣ море подымается, синѣя,
Къ пустыннымъ и далекимъ небесамъ.

И горько я и сладостно тоскую,
И грезится мнѣ свѣтлая мечта,
Что воскреситъ мнѣ радость неземную
Печальная земная красота.

СОЛОВЬИ.

То разрастаясь, то слабѣя,
Громъ за усадьбой грохоталъ,
Шумѣла тополей аллея,
На стекла сумракъ набѣгалъ.
Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей.
Въ поляхъ хлѣба къ межамъ клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ—
Отвсюду съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Но вотъ по тополямъ и кленамъ
Холодный вихоръ пролетѣлъ,—
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ,
Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткій грома
И тяжкій грохотъ... Все кругомъ

Затихло сразу и глубоко,
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ,—
И благодатно и широко
Весенній ливень зашумѣлъ.
На межи тихо наклонились
Хлѣба въ поляхъ... А изъ садовъ
Все также звучно доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Когда же, медленно слабѣя,
Дождь отшумѣлъ и замеръ громъ,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьемъ и тепломъ.
Паръ, неподвижный и пахучій,
Стоялъ въ хлѣбахъ. Спала земля.
Заря чуть теплилась подъ тучей
Полоской алаго огня.
А изъ лощинъ, гдѣ распускались
Во тьмѣ цвѣты, и изъ садовъ
Лились и въ чащахъ отдавались
Все ярче пѣсни соловьевъ.

ВЪ КОСТЕЛѢ.

Гаснетъ день—и звонъ тяжелый
Въ небеса плыветъ:
Съ башни стараго костела
Колоколъ зоветъ.

А въ костелѣ—ожиданье:
Сумракъ, гулъ дверей,
Напряженное молчанье,
Тихій трескъ свѣчей.

Въ блескѣ ихъ престолъ чернѣетъ,
Озаренъ темно;
Высоко надъ нимъ желтѣетъ
Узкое окно;

И надъ всѣмъ—Христа Распятье:
Въ діадемѣ розъ,
Скорбно братскія объятія
Распростеръ Христосъ.

Тишина. И вотъ, незримо
Унося съ земли,
Звонко пѣсня серафима
Разлилась вдали.

Разлилась и отзвучала:
Заглушилъ, покрылъ
Громъ органнаго хора
Пѣснь Небесныхъ Силъ.

Вторить хоръ ему... Но, Боже!
Отчего и въ нѣмъ
Та же скорбь и горе то же,—
Мука о земномъ?

Не во тѣмѣ-ль вѣковъ остался
День, когда съ тоской
Человѣкъ, какъ рабъ, склонялся
Ницъ передъ Тобой,

И сіялъ зловѣщей славой
Предъ лицомъ людей
Въ блескѣ молніи кровавой
Блескъ Твоихъ Очей?

Для чего звучить во храмѣ
Снова скорбный стонъ,

Снова дымными огнями
Ликъ Твой озаренъ?

И Тебѣ ли мгла куренья,
Холодъ темноты,
Запахъ воска, запахъ тлѣнья,
Мертвые цвѣты?

Дивенъ міръ Твой! Расцвѣтаетъ
Онъ, Тобой согрѣтъ,
Въ небесахъ Твоихъ сияетъ
Солнца вѣчный свѣтъ,

Гимнъ природы животворный
Льется къ небесамъ...
Въ ней Твой храмъ нерукотворный,
Твой великій храмъ!

1889 г.

ПОСЛѢДНЯЯ ГРОЗА.

Не прохладой, не покоемъ,
А истомою и зноемъ
Ночь съ горячихъ пашенъ вѣетъ:
Хлѣбъ во мракѣ ночи зрѣетъ.

Обступаютъ осторожно
Небо тучи, и тревожно,
Точно жаръ и бредъ недуга,
Набѣгаетъ вѣтеръ съ юга.
Шелестя и торопливо
Волны вѣтра ловить нива,
Страстнымъ шопотомъ привѣта
Провождаетъ ихъ,—и мнится:
Ночь прощается тоскливо
Съ лаской пламеннаго лѣта,
Разметалась и томится...

Блескъ зарницъ ей точно снится,
Мракъ растетъ надъ ней кошмаромъ,

И когда всю степь пожаромъ
Красный сполохъ озаряетъ,—
Въ полѣ чей-то призракъ темный,
Величавый и огромный,
На мгновенье вырастаетъ,
Чьи-то очи ярко блещутъ,
Содрогаясь отъ усиля,
И раскинутыя крылья
За плечомъ его трепещутъ.

Какъ тотъ блескъ ее пугаетъ!
Точно въ страхѣ пробѣгаетъ
Знойный шелестъ по бурьяну...
Быть большому урагану!
Ужъ надъ этимъ смутнымъ шумомъ
Все слышнѣй, какъ за горою
Дальній громъ ворчитъ порою,
Какъ въ величїи угрюмомъ,
Потрясая своды неба,
Онъ проходитъ тяжкимъ гуломъ
Надъ шумящимъ моремъ хлѣба...

Скоро бѣшенымъ разгуломъ
Въ полѣ вѣтеръ понесется,
Скоро громъ смѣлѣе грянетъ,
Жуткимъ блескомъ даль зажжется,
Ночь испуганно воспрянетъ,
Ночь порывисто очнется—

И обильными слезами
Вся тоска ея прольется!

А на утро надъ полями
Солнце грустно улыбнется,—
Озаритъ ихъ на прощанье,
И на нивы, на селенье
Ляжетъ кроткое смиренье
Тишины и увяданья.

КОСТЕРЪ.

Ворохъ листьевъ сухихъ все сильнѣй, веселѣй разгорается,
И трещить и пылаетъ костеръ.
Пышетъ пламя въ лицо; теплый дымъ навѣтру развѣвается,
Затянулъ весь лѣсной косогоръ.

Лѣсъ гудитъ на горѣ, низко гнутся березы вѣтвистыя,
Межъ стволами качается тѣнь...
Блескомъ, шумомъ листвы наполняетъ лѣса золотистые
Этотъ солнечный, вѣтреный день.

А въ долинѣ—затишье, свѣтло отъ орѣшника яркаго,
И по свѣтлой долинѣ лѣсной
Тянетъ гарью сухой отъ костра распаленнаго, жаркаго,
Развѣвается дымъ голубой.

Камни, заросли, рвы. Лучезарнымъ тепломъ очарованный,
Какъ во снѣ, я лежу у куста...
Странно желтой листвою озаренъ этотъ долъ заколдованный,
Эти лисы, глухія мѣста!

Вѣтеръ стоны несетъ... Не собаки-ль вдали заливаются?
Не рога-ли тоскуютъ, вопятъ?
А вершины шумятъ, а вершины скрипятъ и качаются,
Моноotonно шумятъ и скрипятъ...

А С Т Р Ы.

А. АСНЫКА.

Все поблекло... Только астры
Серебристыя остались,—
Подъ холоднымъ, синимъ небомъ
Замечтались...

Грустно я встрѣчаю осень...
Ахъ, не такъ, какъ въ дни былые!
Также вянуть, блекнуть листья
Золотые,

Также мѣсячныя ночи
Вѣютъ кроткой тишиною,
И шумить въ аллеяхъ вѣтеръ
Надо мною...

Но ужъ нѣтъ въ душѣ печальной
Тѣхъ восторговъ, тѣхъ волненій,
Что, какъ солнце, озаряли
День осенній.

Помню милый, блѣдный обликъ,
Локонь нѣжный и волнистый,
Въ черныхъ косахъ—вѣнчикъ астры
Серебристый...

Помню очи... Вижу снова
Эти ласковыя очи...
Все воскресло въ лунномъ блескѣ,—
Въ блескѣ ночи!

*

Въ пустынной вышинѣ,
Въ открытомъ океанѣ небосклона
Востокъ сіяетъ ясной бирюзой.
Въ степной дали
Погасло солнце холодно и чисто,
Свѣжъ, звонокъ воздухъ надъ землей,
И тишина царить,—
Молчаніе осеняго заката
И обнаженныхъ, черныхъ тополей...
Какъ хороши пустынные аллеи!

Иду на югъ,
Смотрю туда, гдѣ я любилъ когда-то,
Гдѣ грусть моя далекая живетъ...
А тамъ встають,
Тамъ медленно плывутъ и утопаютъ
Въ глубокомъ океанѣ небосклона,
Какъ снѣговья горы, облака...
Какъ холодны и чисты изваянья
Ихъ дѣвственныхъ алѣющихъ вершинъ!
Какъ хороши безлюдныя равнины!

Багряная листва,
Покрытая морозною росой,
Шуршитъ въ аллеѣ подъ моей ногой...
Вотъ меркнетъ даль,
Темнѣетъ садъ, краснѣе западъ рдѣетъ,
Въ холодной и безмолвной красотѣ
Все застываетъ, медленно мертвѣя,
И вѣетъ холодъ ночи на меня,
И я стою, безмолвіемъ объятый...
Какъ хороша, какъ одинока жизнь!

*

Не видно птицъ. Покорно чохнетъ
Лѣсъ, опустѣвшій и больной.
Грибы сошли, но крѣпко пахнетъ
Въ оврагахъ сыростью грибной.

Глушь стала ниже и свѣтлѣе,
Въ кустахъ—свалялася трава
И, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя,
Чернѣетъ мокрая листва.

И далеко въ лѣсу багряномъ
Кустарникъ виденъ по горѣ
И лугъ, синѣющій туманомъ
На ранней утренней зарѣ...

А въ полѣ—вѣтеръ. День холодный
Угрюмъ, но свѣжъ,—и цѣлый день
Скитаюсь я въ степи свободной,
Вдали отъ селъ и деревень.

Тѣснятся тучи небосводомъ,
Синѣетъ рѣзко даль подъ нимъ,
И бодро конь идетъ по всходамъ,
По взметамъ вязкимъ и сырымъ.

И, убаюканъ шагомъ коннымъ,
Съ отрадной грустью внемлю я,
Какъ вѣтеръ звономъ монотоннымъ
Гудитъ-поетъ въ дуло ружья.

ВЪ ОТЪБЪЗЖЕМЪ ПОЛѢ.

Сумракъ ночи къ западу уходитъ,
Сѣрой мглой надъ черной пашней бродить,
По бурьянамъ стелется къ землѣ;
Звѣзды стали тусклы и далеки,
Небеса—туманны и глубоки,
Но востокъ ужъ виденъ въ полумглѣ.

Лошади продрогли. Сѣверъ дышитъ
Вѣтромъ ночи и полынь колышетъ...
Вотъ и утро!—Въ колеяхъ дорогъ
Грязь чернѣетъ, лужи заалѣли...
Томно псы голодные запѣли...
Встань, труби въ холодный, звонкій рогъ!

Старыхъ предковъ я наслѣдье чую,
Звѣремъ въ полѣ осеңью ночую,
На зарѣ добычи жду... Скудна
Жизнь моя, расцвѣтшая въ неволѣ,
И хочу я слѣпо въ дикомъ полѣ
Силу страсти вычерпать до дна!

РОДИНА.

Подъ небомъ мертвенно-свинцовымъ
Угрюмо меркнетъ зимній день,
И нѣтъ конца лѣсамъ сосновымъ,
И далеко до деревень.

Одинъ туманъ молочно-синій,
Какъ чья-то кроткая печаль,
Надъ этой снѣжною пустыней
Смягчаетъ сумрачную даль.

*

Вьется путь въ снѣгахъ, въ степи широкой.
Вотъ — луга и надъ оврагомъ мостъ,
Подъ горой — поселокъ одинокій,
На горѣ — заброшенный погостъ.

Ни души въ поселкѣ; не краснѣютъ
Изъ-подъ крышъ вечерніе огни;
Слѣпо срубы въ сумеркахъ чернѣютъ...
Знаю я, — покинуты они.

Пахнетъ въ нихъ холодною золою,
Въ печку провалилася труба,
И давно ужъ смотритъ нежилою,
Мертвой и холодною изба.

Подъ застрѣхи вѣтеръ жесткій дуетъ,
Сыплеть снѣгомъ... Только онъ одинъ
О тебѣ, родимый край, тоскуетъ
Посреди пустыхъ твоихъ равнинъ!

Мы спѣшимъ, мы ищемъ лучшей доли,
Мы хотимъ, чтобъ это стало сномъ —
И погостъ, и вѣшки въ бѣломъ полѣ,
И пустыня въ сумракѣ ночномъ.

Путь бѣжить, въ степи метель играетъ,
Хмуро сходитъ долгой ночи тѣнь...
О, пускай скорѣе умираетъ
Этотъ жуткій, этотъ тусклый день!

*

Скачетъ пристяжная, снѣгомъ обдастъ...
Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Въ полуснѣ волнуясь, по полю бѣжитъ,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожить.

Эй, проснися, вѣтеръ! Подыми пургу,
Задымись метелью бѣлою въ лугу,
Загуди поземкой, закружись въ степи,
Крикни вмѣсто пѣсни: „Постыдись, не спи!“

Безотраденъ путь мой! Каждый Божій день—
Глушь лѣсовъ да холодъ-голодь деревень...
Стыдно мнѣ и больно... Только стыдъ-то мой
Слишкомъ скоро гаснетъ въ тишинѣ нѣмой!

Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Усыпляетъ пѣсней, воли не даетъ,
Путь заноситъ снѣгомъ, по полю бѣжитъ,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожить...

*

Ночь и даль сѣдая,
Въ инеѣ лѣса.
Звѣздами мерцаая,
Свѣтятъ небеса.

Звѣздный свѣтъ бѣлѣетъ,
И земля окрестъ
Стынетъ-цѣпенѣетъ
Въ млечномъ свѣтѣ звѣздъ.

Тишина пустыни...
Четко за горой
На рѣкѣ въ долину
Треснетъ ледъ порой...

Метеоръ зажжется,
Озаряя снѣгъ...
Шорохъ пронесется—
Звѣря легкій бѣгъ...

И опять—молчанье...
Въ блѣдной мглѣ равнинъ,
Затаивъ дыханье,
Я стою одинъ,

И объятый чуткой
Странною дремой,
Жду чего-то въ жуткой
Тишинѣ нѣмой.

НОЧНАЯ ВЬЮГА.

Когда на темный городъ сходить
Въ глухую ночь глубокий сонъ,
Когда метель, кружась, заводитъ
На колокольняхъ перезвонъ,—

Какъ жутко сердце замираетъ!
Какъ заунывно въ этотъ часъ
Сквозь вопли бури долетаетъ
Колоколовъ невнятный гласъ!

Міръ опустѣлъ... Земля остыла...
А вьюга трупы замела
И вѣтромъ звѣзды загасила,
И бьетъ во тьмѣ въ колокола.

И на пустынномъ, на великомъ
Погостѣ жизни міровой
Кружится смерть въ весельи дикомъ
И развѣваетъ саванъ свой!

ВЪ ФЕВРАЛѢ.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

Свѣжбють съ каждымъ днемъ и молодбють сосны,
Чернѣть лѣсъ, синѣть мягко даль.
Сдается, наконецъ, сырымъ вѣтрамъ февраль,
И потемнѣлъ въ лощинахъ снѣгъ наносный.

На гумнахъ и въ саду по зимнему покой
Царить въ затишьи дѣдовскихъ строений,
Но что-то тянетъ въ залъ, холодный и пустой,
Гдѣ пахнетъ сыростью весенней.

Сквозь стекла потныя заклеенныхъ дверей
Гляжу я на балконъ, гдѣ снѣгъ еще наваленъ,
И голый, мокрый садъ теперь мнѣ не печаленъ,—
На гнѣзда въ сучьяхъ липъ опять я жду грачей.

Жду, какъ въ тюрьмѣ, давно желанной воли,
Тумановъ мартовскихъ, чернѣющихъ бугровъ,
И свѣта, и тепла отъ бѣлыхъ облаковъ,
И первыхъ жаворонковъ въ полѣ!

✱

Бушуетъ полая вода,—
Шумить и глухо, и протяжно.
Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело, и важно.

Дымятся черные бугры,
И утромъ въ воздухъ нагрѣтомъ
Густые бѣлые пары
Напоены тепломъ и свѣтомъ.

А въ полдень лужи подъ окномъ
Такъ разливаются и блещутъ,
Что яркимъ солнечнымъ пятномъ
По залу „зайчики“ трепещутъ.

Межъ круглыхъ рыхлыхъ облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишьи гуменъ и дворовъ.

Весна, весна! И все ей радо.
Какъ въ забытѣи какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ.

Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
А вѣтеръ, мягкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

ВЪ ГЕОСИМАНСКОМЪ САДУ.

И въ этотъ часъ, гласитъ преданье,
Когда, сомнѣніемъ томимъ,
Изнемогалъ Онъ отъ страданья,
Все преклонилось передъ Нимъ.

Затихла ночь въ благоговѣннѣи,
И слышалъ Онъ: „Моихъ вѣтвей
Колючій тернъ—вѣнцомъ мученья
Возложить на главѣ Твоей;

„Но тернъ короною зеленой
Чело святое обовьетъ,—
Въ міръ подъ страдальческой короной,
Какъ Царь парей, Господь войдетъ!“

И кипарисъ, надъ Нимъ шумящій,
Ему шепталъ во тѣмѣ ночной:
„Благословенъ Господь скорбящій,—
Великъ и славенъ подвигъ Твой!

„Я вознесу надъ всей вселенной
Мой тяжкій крестъ, и на крестѣ
Весь міръ узритъ Тебя, Смиренный,
Въ неизрѣченной красотѣ!“

Но снова Онъ въ тоскѣ склонялся,
Но снова Онъ скорбѣлъ душой —
И вѣтеръ ласковой струей
Его чела въ тиши касался:

„О, подними Свой грустный взоръ!
Въ часъ скорби, въ темный часъ страданья
Прохлады свѣжее дыханье
Я принесу съ долинъ и горъ;

„Я нѣжной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
Я отъ востока до заката
Твои глаголы возвѣщу!“

ТРИ НОЧИ.

Старый садъ всю ночь гудѣлъ угрюмо,
Дождь шумѣлъ и, словно капли слезъ,
Падалъ онъ въ холодный снѣгъ на землю
Съ голыхъ сучьевъ стонущихъ березъ.

По лѣснымъ трущобамъ и оврагамъ
По полямъ, пустыннымъ и глухимъ,
Первые весенніе туманы
Расползались медленно, какъ дымъ.

И лѣса сѣдой одѣлись мглою,
На озерахъ поднялися льды,
И долины грозно потемнѣли
Отъ свинцовой мартовской воды...

А другая ночь — все побѣдила:
Вѣтеръ снесъ сырой туманъ съ полей,
Загорѣлись звѣзды, и въ долинахъ
Зашумѣли воды веселѣй.

До зари кричали хлопотливо
Въ ближней рощѣ черные грачи,
Старый садъ и тихую усадьбу
Оглашали столами сычи.

И темнѣй ночное было небо,—
Издалека въ темнотѣ ночной
Вѣяло весеннимъ ароматомъ,
Вѣяло грядущею весной...

И не долги были ожидания:
За день вся природа ожила!
Вечеръ былъ задумчивъ и прекрасенъ
И заря, какъ лѣтняя, тепла.

А когда померкъ закатъ далекій,
Вспомнилась мнѣ молодость моя,
И окно открылъ я, и забылся,
Въ сердцѣ грусть и радость затая.

Понялъ я, что юной жизни тайна
Въ міръ пришла подъ кровомъ темноты,
Что весна вернулась — и незримо
Вырастаютъ первые цвѣты.

*

Христось воскресъ! Опять съ зарею
Рѣдѣтъ долгой ночи тѣнь!
Опять зажегся надъ землею
Для новой жизни новый день.

Еще чернѣютъ чащи бора;
Еще въ тѣни его сырой,
Какъ зеркала, стоятъ озера
И дышатъ свѣжестью ночной;

Еще въ синѣющихъ долинахъ
Плывутъ туманы... Но смотри:
Уже горятъ на горныхъ льдинахъ
Лучи огнистые зари!

Они въ выси пока сіяютъ,
Недостижимой, какъ мечта,
Гдѣ голоса земли смолкаютъ
И непорочна красота.

Но, съ каждымъ часомъ приближаясь
Изъ-за албующихъ вершинъ,
Они заблещутъ, разгораясь,
И въ тьму лѣсовъ, и въ глубь долинъ;

Они взойдутъ въ краѣ желанной
И возвѣстятъ съ высотъ небесъ,
Что день насталъ обѣтованный,
Что Богъ воистину воскресъ!

*

Догорѣлъ апрѣльскій свѣтлый вечеръ,
По лугамъ холодный сумракъ легъ,
Спятъ грачи; далекій шумъ потока
Въ темнотѣ таинственно заглохъ.

Но свѣжѣе пахнетъ зеленью
Молодой озябшій черноземъ,
И струится чище надъ полями
Звѣздный свѣтъ въ молчаніи ночью.

По лощинамъ, звѣзды отражая,
Ямы свѣтятъ тихою водой.
Журавли, другъ друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А Весна въ зазеленѣвшей рощѣ
Ждетъ зари, дыханье затая,—
Чутко внемлетъ шороху деревьевъ,
Зорко смотритъ въ темныя поля.

ПОСЛѢ ПОЛОВОДЬЯ.

Прошли дожди, апрѣль теплѣтъ.
Всю ночь—туманъ, а поутру
Весенній воздухъ точно млѣтъ
И мягкой дымкою синѣтъ
Въ далекихъ просѣкахъ въ бору.

И тихо дремлетъ боръ зеленый.
И въ серебрѣ лѣсныхъ озеръ
Еще стройнѣй его колонны,
Еще свѣжѣе сосенъ кроны
И нѣжныхъ лиственницъ узоръ!

*

Зной,—но ясно лазурное небо глядится
По весеннему въ свѣтлыя воды рѣки,
На лугахъ заливныхъ тонкій паръ золотится,
И рыбалки блестятъ, и кричатъ кулики.

Лѣсъ зеленый кругомъ—молодой и росистый,
А въ лѣсу—тишина; и среди тишины—
Только голосъ кукушки... Вѣшунъ голосистый!
Отзовись, доживу ли до новой весны?

И приду ли опять въ этотъ лѣсъ, напоенный
Ароматомъ весеннимъ и блескомъ лучей,
Буду-ль снова считать въ чашѣ темно-зеленой,
Сколько свѣтлыхъ еще мнѣ осталось дней?

Буду-ль снова внимать тебѣ съ грустью глубокой,
Съ тайной грустью въ душѣ, что проходятъ года,
Что весь міръ я люблю, но люблю одиноко,—
Одиноко вездѣ и всегда?

*

Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Снится мнѣ приволье тихихъ деревень,
Въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза,
Озими да пашни—и апрѣльскій день.
Весело синѣетъ утреннее небо,
Легкой бѣлой зыбью облака плывутъ,
Важно грачъ гуляетъ за сохой на пашнѣ,
Паръ блеститъ надъ пашней... А кругомъ поютъ
Жаворонки въ ясной вышинѣ воздушной
И на землю съ неба звонко трели льютъ.

Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Дѣвушкой-невѣстой снится мнѣ Весна:
Очи голубыя, личико худое,
Стройный станъ высокій, русая коса.
Весело ей въ полѣ теплымъ яснымъ утромъ!
Милъ ей край родимый,—степь и тишина,
Милъ ей бѣдный сѣверъ, мирный трудъ крестьянскій,
И съ привѣтомъ смотреть на поля она:
На устахъ улыбка, а въ очахъ раздумье—
Юности и счастья первая весна!

ВЪ МАѢ.

Все темнѣй и кудрявѣй березовый лѣсъ зеленѣетъ,
Колокольчики ландышей въ чащѣ зеленой цвѣтутъ;
На разсвѣтѣ въ долинахъ тепломъ и черемухой вѣетъ,
Соловьи до разсвѣта поютъ.

Скоро Троицынъ день, скоро пѣсни, вѣнки и покосы...
Все цвѣтетъ и поетъ, молодая надежда тая...
О, весеннія зори и теплыя майскія росы!
О, далекая юность моя!

Звѣзды ночью весенней нѣжныѣ,
Соловьи осторожныѣ поютъ...
Я люблю эти темныя ночи,
Эти звѣзды, и клены, и прудъ.

Ты, какъ звѣзды, чиста и прекрасна...
Радость жизни во всемъ я ловлю—
Въ звѣздномъ небѣ, въ цвѣтахъ, въ ароматахъ...
Но тебя я нѣжныѣ люблю.

Лишь съ тобою одною я счастливъ,
И тебя не замѣнитъ ничто:
Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь—за чтó!

НОВОЛУНІЕ.

Народился мѣсяцъ молодой.
Робко онъ весенними зарями
Свѣтитъ надъ зеркальною водой,
По садамъ сіяя межъ вѣтвями.

Не угасъ еще вдали закатъ,
И листва сквозитъ узоромъ четкимъ,
А подъ ней ужъ серебрится садъ
Свѣтомъ и таинственнымъ, и кроткимъ.

Тихій прудъ среди кудрявыхъ вербъ
Озарился, блестками играя...
Но настала ночь—и лунный серпъ
Угасаетъ, точно умирая.

Завтра онъ зарею выйдетъ вновь
И опять напомнитъ, одинокій,
Мнѣ весну—и первую любовь,
И твой образъ, милый и далекій.

Когда деревья въ свѣтлый майскій день
Дорожки осыпають бѣлымъ цвѣтомъ,
И вѣтерокъ въ аллеѣ, полной свѣтомъ,
Струить листвы узорчатую тѣнь.
Я свой привѣтъ изъ тихихъ деревень
Шлю дѣвушкамъ и юношамъ-поэтамъ:
Пусть встрѣтитъ жизнь ихъ ласковымъ привѣтомъ,
Пусть будетъ свѣтелъ ихъ весенній день,
Пусть ихъ мечты развѣетъ бѣлымъ цвѣтомъ!

Мнѣ хорошо, мнѣ грустно и легко
Тогда мечтать про молодость былую.
Мнѣ радостно, что я еще тоскую
О томъ, что неозвратно-далеко.
Свой первый май невесело и бѣдно
И встрѣтилъ я, и на-вѣкъ проводилъ,
Но я любилъ, надѣялся, грустилъ —
И не прошла весна моя безслѣдно.
Я не забылъ ея святой привѣтъ,
Я зналъ ея несбыточные грезы,
Я до сихъ поръ сквозь радостныя слезы
Гляжу на ихъ недолгій, нѣжный цвѣтъ!

Лѣсъ шумить невнятнымъ ровнымъ шумомъ...
Лепетъ листьевъ клонить въ сонъ и лѣнь...
Пѣтухи въ далекой караулкѣ
Распѣвають про весенній день.

Лѣсъ шумить веселымъ, тихимъ шумомъ...
Хорошо и беззаботно мнѣ
На травѣ, среди березъ зеленыхъ,
Въ тихой и безвѣстной сторонѣ!

Такъ привыкъ я къ горю-и заботамъ,
Что мнѣ страненъ этотъ ясный день,
Точно долженъ упрекнуть себя я
И за эту радость, и за лѣнь.

Но укоръ въ улыбкѣ замираетъ...
Лѣсъ шумить, дрожитъ узоръ тѣней...
Убѣгаетъ свѣтлый лепетъ листьевъ,
Тихій лепетъ свѣтлыхъ дѣтскихъ дней!

РОДНИКЪ.

Въ тайгѣ, въ глуши ея зеленой,
Всегда тѣнистой и сырой,
Въ крутомъ оврагѣ подъ горой
Бьетъ изъ камней родникъ студеной:

Кишитъ, играетъ и спѣшитъ,
Крутясь хрустальными клубами,
И подъ вѣтвистыми дубами
Стекломъ расплавленнымъ бѣжитъ.

А небеса и лѣсъ нагорный
Глядятъ, задумавшись въ тиши,
Какъ въ свѣтлой влагѣ голыши
Дрожатъ мозаикой узорной.

Вдали еще гремитъ, но тучи ужъ свалились,
Какъ горы дымныя, идутъ онѣ на югъ.
Опять лазурь ясна, опять весна вокругъ,
И яркимъ солнцемъ чащи озарились.

Изъ-за лѣсныхъ вершинъ далекой церкви шпиць
Горячимъ золотомъ трепещетъ и сверкаетъ,
Звенятъ въ низахъ ручьи, и льется пѣнье птицъ;
А на полянахъ снова припекаетъ.

Густѣетъ облаковъ волнистое руно;
Они сдвигаются, спускаются все ниже—
И вотъ ужъ солнца нѣтъ: опять въ лѣсу темно,
Дождь зашумѣлъ—и все слышнѣе, ближе.

Наохлясь, птицы спятъ, недвижно лѣсъ стоитъ
И точно чувствуетъ, счастливый и покорный,
Какъ много свѣжести и силы благотворной
Весенняя гроза въ себѣ таитъ!

*

Снова сонъ, плѣнительный и сладкій,
Снится мнѣ и радостью пьянить,—
Милый взоръ зоветъ меня украдкой,
Ласковой улыбкою манить.

Знаю я,—опять меня обманетъ
Этотъ сонъ при первомъ блескѣ дня,
Но пока печальный день настанетъ,
Улыбнись мнѣ—обмани меня!

*

ты нарядна, светла какъ весна.

Какъ свѣтла, какъ нарядна весна!..
Погляди мнѣ въ глаза, какъ бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты такъ ласкова стала?

Но молчишь ты. слаба, какъ цвѣтокъ...
О, молчи!—Мнѣ не надо признанья:
Я узналъ эту ласку прощанья,—
Я опять одинокъ!

Л И Л И И.

А. АСНЫКА.

Золотыя кудри въ косы
Панночка плететь;
Заплетаючи, въ раздумьи
Пѣсенку поетъ:

Темной ночью бѣлыхъ лилій
Сонъ неясный тихъ.
Вѣтерокъ ночной прохладой
Обвѣваетъ ихъ.

Ночь ихъ чашечки закрыла,
Ночь хранитъ цвѣты
Въ одѣяніи невинной,
Чистой красоты,

И сказала: спите, спите
Въ этотъ тихій часъ!
День настанетъ—солнца пламень
Сгубить, сгубить васъ!

Дня не ждите,—бесконеченъ
Знойный день, а сонъ,
Счастья сонъ недолговѣченъ
И умчится онъ.

Но, таинственно впивая
Холодокъ ночной,
Къ солнцу тянутся, къ востоку
Лилии съ тоской,

Ждутъ, чтобъ солнце алымъ блескомъ
И тепломъ своимъ
Нѣжно бѣлые бокалы
Растворило имъ.

И напрасно ночь лепѣтъ
Каждый лепестокъ—
Грезитъ дѣвушка о миломъ,
Солнца ждетъ цвѣтокъ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

МОТИВЪ СЕНКЕВИЧА.

Небеса проповѣдуютъ славу Божию...
и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь.
День дню передаетъ рѣчь, и ночь
ночи открываетъ знаніе. Псал. 18.

Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ ночной, за лѣса и моря.
Въ темныхъ лѣсахъ засинѣли туманы,
Въ морѣ горитъ золотая заря.

День угасаетъ. Дневныя заботы
Съ тихой зарей забываетъ земля.
Пахарь усталый вернулся съ работы,
Въ теплой росѣ засыпаютъ поля.

Вотъ потянулись птицъ караваны...
—Какъ необъятны зарей небеса!
Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ ночной, за моря и лѣса...

Темнѣетъ храмъ лѣсовъ. И кроткій, и веселый,
Вечерній льется свѣтъ въ лѣсную глубину.
Дремотно-ласково жужжать на солнцѣ пчелы,
Кончая мирный день и отходя ко сну.

Клубится мошекъ рой. Задумчиво заводятъ
Свой жалобный концертъ лѣсные комары...
Но гаснетъ, гаснетъ свѣтъ... Изъ листьевъ и коры
Ночныя бабочки угрюмыя выходятъ...

Стихаетъ дятловъ стукъ... Съ заката потянулъ
Неясный вѣтерокъ .. Закатъ еще краснѣетъ,
Но близко часъ ночной—и храмъ лѣсовъ темнѣетъ,
И подымается чуть слышный, смутный гулъ.

То рать отцовъ-дубовъ заводитъ разговоры,
То на вечерній гимнъ скликаются лѣса...
И вотъ оконченъ день: въ торжественные хоры
Сливаются лѣсные голоса.

„Сестры, возрадуйтесь! День благодатный,
Тихій и теплый, Господь даровалъ.
Славой Господней огонь предзакатный,
Славой небесною Западъ пылалъ.

„Звѣздную ночь намъ Творецъ посылаетъ,
Темной землѣ Онъ огни засвѣтилъ,

Сонъ безмятежный на насъ наступаетъ...
Дивны вѣлѣнія Господа Силъ!“

Мгновенье вдумчиво молчать во мракѣ сосны,
Мгновенье—и звучить согласно по лѣсамъ:
„Господь, Господь! Какъ ладанъ росный,
Благоухаетъ нашъ бальзамъ.

„И ароматъ любвеобильный
Мы изливаемъ въ теплой мглѣ
Тебѣ, Господь! Тебѣ, Всесильный
На небесахъ и на землѣ!“

Тихой пѣсней имъ вторять березы вѣтвистыя:
„Отче нашъ! При сіяньи озеръ,
Зори свѣтлыя, зори огнистыя
Золотятъ нашъ зеленый уборъ.

„И подъ ласкою вѣтра цѣлебною
Наши тонкія вѣтви шумятъ,
И Тебѣ онѣ арфой хвалебною,
Нашей радостной пѣсней звучатъ!“

И кончаютъ грустною мольбою
Пихты, погруженные во мглу:
„Сестры! Братья! Радуйтесь покою
И творите Господу хвалу!

„Истомилъ насъ день тяжелымъ зноемъ,
Но темнѣютъ, меркнутъ небеса:
Вѣть ночь прохладой и покоемъ,
Падаетъ вечерняя роса!“

И смолкаетъ весь міръ, забывается сномъ благодатнымъ.
Гаснутъ вспышки зарницъ. А изъ влажнаго мрака лѣсовъ,
Замирая, звучить отъ земли къ небесамъ необъятнымъ
Отдаленный хоралъ голосовъ,—

Въ высь, гдѣ темныя бездны, лазурныя бездны струятся,
Млечный путь, какъ рѣка, въ безконечныя дали ушелъ,
Въ высь, гдѣ звѣзды и звѣзды серебряной пылью роятся,
А надъ звѣздами—Божій престолъ.

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Все шире вольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами;
И хутора, и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями...

Вотъ подъ горою скитъ святой
Въ бору бѣлѣтъ за лугами...
Вотъ мостъ желѣзный надъ рѣкой
Промчался съ грохотомъ подъ нами...

А вотъ и лѣсъ!— И гуль идетъ
Подъ стукъ колесъ въ лѣсу зеленомъ;
Березъ веселыхъ хороводъ,
Шумя, встрѣчаетъ насъ поклономъ.

Отъ паровоза бѣлый дымъ,
Какъ хлопья ваты, расползаясь,
Плыветъ, цѣпляется по нимъ,
Къ землѣ безпомощно склоняясь...

Но ужъ опять кусты пошли,
Опять деревьевъ строй рѣдѣтъ,
И безконечная въ дали
Степь развернулася и синѣтъ,

Опять привольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами,
И хутора и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.

Въ темнѣющихъ поляхъ, какъ въ безграничномъ морѣ,
Померкъ и потонулъ зари печальный свѣтъ—
И мягко мракъ ночной плыветъ въ степномъ просторѣ
Нѣмой зарѣ во слѣдъ.

Изъ зрѣющихъ хлѣбовъ, какъ теплое дыханье,
Порою вѣтерокъ касается чела.
Но спятъ поля, хлѣба... Царитъ кругомъ молчанье,
Молчатъ перепела.

Лишь суслики во ржи скликаются свистками,
Иль по межѣ тушканъ, таинственно, какъ духъ,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадаетъ вдругъ...

Отдохни,—еще утро не скоро,
Ночь изъ тихихъ лѣсовъ не ушла:
Подъ навѣсами соннаго бора—
Предразсвѣтная теплая мгла.

Еще раннія птицы не пѣли;
Чуть сѣрѣютъ вверху небеса,
Влажно-зелены темныя ели,
Пахнетъ лѣтнею хвоей роса...

И пускай не свѣтаетъ подольше!
Этотъ медленный путь по лѣсамъ,
Эта ночь—не воротится больше,
Но легко предъ разлукою намъ...

Колокольчикъ въ молчаніи бора
То замретъ, то опять запоетъ...
Тихо ночь по долинамъ идетъ...
Отдохни,—еще утро не скоро.

СЕРПЪ ЛУНЫ.

Серпъ луны подъ тучкой длинной
Льетъ полночный слабый свѣтъ.
Надъ безмолвною долиной
Дремлетъ церкви силуэтъ.

Серпъ луны за тучкой таетъ,
Проплывая, гаснетъ онъ.
Съ колокольни долетаетъ,
Замирая, сонный звонъ.

Серпъ луны въ просвѣты тучи
Съ грустью тихою глядитъ,
Подъ вѣтвями ивъ плакучихъ
Тускло воду золотитъ,

И въ рѣкѣ, среди глубокой
Предразсвѣтной тишины,
Замираетъ одинокій
Золотой двойникъ луны.

НА ДНѢПРѢ.

За мирнымъ Днѣпромъ, за горами
Заря догорала свѣтло,
И тепелъ былъ воздухъ вечерній,
И ясно рѣчное стекло.

Вечернее алое небо
Глядѣлось въ зеркальный затонъ,
И тихо подъ лодкой качался
Въ бездонной рѣкѣ небосклонъ...

Далекое, мирное счастье!
Не знаю, кого я любилъ,
Чей образъ, и нѣжный, и милый,
Такъ долго я въ сердцѣ хранилъ.

Но сердце груститъ и донинѣ..
И помню тебя я, какъ сонъ,—
И близкой, и странно далекой,
Какъ въ свѣтлой рѣкѣ небосклонъ.

ПО ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЬ.

Засинѣли, темнѣютъ равнины...
Далеко, далеко въ тишинѣ
Колокольчикъ поетъ, замирая...
Мнѣ грустнѣй и больнѣе вдвойнѣ.

Вотъ ужъ звукъ его плачетъ чуть слышно;
Вотъ и пыль надъ просторомъ нѣмымъ,
По широкой пустынной дорогѣ,
Опускаясь, темнѣетъ, какъ дымъ...

Но душа еще ждетъ и тоскуетъ...
О, зачѣмъ ты и ночью, и днемъ
Вспоминаешься мнѣ такъ призывно?
Отчего ты вездѣ и во всемъ?

Вслѣдъ зарѣ, уходящей къ закату,
Умирающимъ звукамъ вослѣдъ
Посылаю тебѣ мою душу,—
Мой печальный и нѣжный привѣтъ!

*

Могилы, вѣтряки, дороги и курганы—
Все смерклось, отошло и скрылося изъ глазъ.
За дальней ихъ чертой погасъ закатъ румяный,
Но точно ждетъ чего вечерній тихій часъ.

И вотъ идетъ она, Степная Ночь, съ востока,—
За нею синій мракъ надъ нивами встаетъ,—
На меркнушій закатъ, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлѣбовъ идетъ.

И медлитъ на межахъ, и слушаетъ молчанье;
Глядитъ на слѣдъ зари, гдѣ въ призрачной дали
Еще мерещутся колосьевъ очертанья,
И слабо брезжитъ свѣтъ надъ сумракомъ земли.

И полонъ взоръ ея, загадочно-унылый,
Великой кротости и думы вѣковой
О томъ, что вѣдаютъ лишь темныя могилы,
Степь молчаливая да звѣздъ узоръ живой.

Нынче ночью кто-то долго пѣлъ.
Далеко скитаясь въ темномъ полѣ,
Голосъ грустной удалю звенѣлъ,
Пѣлъ о прошломъ счастьѣ и о волѣ.

Я открылъ окно и сѣлъ на немъ.
Ты спала... Я долго слушалъ жадно...
Съ поля пахло рожью и дождемъ,
Ночь была душиста и прохладна.

Что въ душѣ тотъ голосъ пробудилъ,
Я не знаю. Но душа грустила,
И тебя такъ нѣжно я любилъ,
Какъ меня когда-то ты любила.

Ночь печальна, какъ мечты мои.
Далеко въ глухой степи широкой
Огонекъ мерцаетъ одинокій...
Въ сердцѣ много грусти и любви.

Но кому и какъ расскажешь ты,
Что зоветъ тебя, чѣмъ сердце полно?
—Путь далекъ, глухая степь безмолвна...
Ночь печальна, какъ мои мечты.

Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею,
Надъ кровлями безмолвнаго села.
Отчетливѣй кричатъ передъ зарею
Далеко на степи перепела.

Нѣтъ ни души въ степи,—ни звука, ни тревоги...
Спать безмятежнымъ сномъ зеленые овсы...
Нахохлясь, кобчикъ спитъ на кочкѣ у дороги,
Покрытый пылью матовой росы...

Но ужъ свѣтлѣетъ даль. Зелено-серебристый,
Неуловимый свѣтъ восходитъ надъ землей,
И сладкій паръ хлѣбовъ, холодный и душистый,
Плыветъ передъ зарей.

РАЗСВѢТЪ.

Высоко поднялся и бѣлѣетъ
Полумѣсяцъ въ блѣдныхъ небесахъ.
Сумракъ ночи прячется въ лѣсахъ,
Изъ долинъ зеленыхъ утромъ вѣетъ.

Вѣетъ юной радостью съ полей,
Льется, какъ серебряное пѣнье,
Звонъ костела, слава воскресенья...
Разгорайся, новый день, свѣтлѣй!

Выйди въ небо, солнце, безъ ненастья,
Возродися въ блескъ и теплѣ,
Возвѣсти опять по всей землѣ,
Что вся жизнь—день радости и счастья!

*

Еще отъ дома на дворѣ
Синѣютъ утреннія тѣни,
И подъ навѣсами строеній
Трава въ холодномъ серебрѣ.
Но ужъ сіяетъ яркій зной,
Давно топоръ стучитъ въ сараѣ,
И голубей веселыхъ стаи
Сверкаютъ снѣжной бѣлизной.

Съ зари кукушка за рѣкою
Кукуетъ звучно вдалекѣ,
И въ молодомъ березникѣ
Грибами пахнетъ и листвою.
На солнцѣ свѣтлая рѣка
Трепещетъ радостно, смѣется,
И гулко въ рошѣ отдается
Надъ нею ладный стукъ валька.

А за деревнею, гдѣ межи
Въ поля привольныя бѣгутъ,

Гдѣ хуторки бѣлѣютъ рѣже,—
Ржи серебристыя цвѣтутъ,
Въ лазури жаворонки рѣютъ,
Поютъ про степь наперебой,
И, какъ миражъ, курганы мрѣютъ
Въ дали воздушно-голубой.

УЧАНЪ-СУ.

Свѣжѣ вѣтъ воздухъ горный,
Невнятный шумъ идетъ въ лѣсу:
Поетъ веселый и проворный
Со скалъ летящій Учанъ-Су!
Глядишь—и, точно застывая,
Но въ то же время ропотъ свой,
Свой легкій бѣгъ не прерывая,—
Прозрачной пылью снѣговой
Несется внизъ струя живая,—
Какъ тонкій флеръ, сквозитъ огнемъ,
Скользитъ со скалъ фатой вѣнчальной
И, вдругъ и пѣной, и дождемъ
Свергаясь въ черный водоемъ,
Бушуетъ влагою хрустальной...
А горы въ синей вышинѣ!
А южный боръ и сосенъ шопотъ!
— Подъ этотъ шумъ и влажный ропотъ
Стоишь, какъ въ свѣтломъ полуснѣ!

ЗНОЙ.

Горячо сухой песокъ сверкаетъ,
Сушитъ зной на камняхъ невода.
Въ морѣ—штиль, и ласково плескаетъ
На песокъ хрустальная вода.

Чайка въ свѣтломъ воздухѣ блеснула...
Тѣнь ея спустилась надо мной—
И въ сіяньи солнца потонула...
Клонитъ въ сонъ и ослѣпляетъ зной...

И лежу я, упоенный зноемъ.
Снится садъ мнѣ и прохладный гротъ:
Кипарисы неподвижнымъ строемъ
Стерегутъ тамъ звонкій водометъ.

Старый мраморъ подъ вѣтвями тиссовъ
Молодыми розами увить,
И горитъ заливъ межъ кипарисовъ,
Точно синимъ пламенемъ налить...

ЗАКАТЪ.

Корабли въ багряномъ заревѣ заката
Въ океанъ выходятъ—и на небесахъ
Вырастаютъ мачты стройнаго фрегата
Въ черныхъ парусахъ.

Медленно плыветъ онъ въ заревѣ далекомъ
И другой выводитъ въ лоно темныхъ водъ...
Скажешь: это снялся въ траурѣ глубокомъ
Погребальный флотъ.

НА ДАЛЬНОМЪ СѢВЕРѢ.

Такъ небо низко и уныло,
Такъ сумрачно вдали,
Какъ будто время здѣсь застыло,
Какъ будто край земли.

Густое чахлое полѣсье
Стоитъ среди болотъ,
А тамъ—угрюмо въ поднебесье
Уходитъ сумракъ водъ.

Ужъ ночь настала, но свинцовый
Дневной не меркнетъ свѣтъ.
Нѣмая тишь въ глуши сосновой,
Ни звука въ морѣ нѣтъ.

И звѣзды тускло, недвижимо
Горятъ надъ головой,
Какъ будто ихъ зажегъ незримо
Самъ ангелъ гробовой.

СУМЕРКИ.

Все точно въ полуснѣ. Надъ сѣрою водой
Сползаетъ съ горъ туманъ, холодный и густой,
Подъ нимъ гудитъ прибой, зловѣще разрастаясь,
А темныхъ голыхъ скалъ прибрежная стѣна,
Въ дымящійся туманъ погружена,
Лѣниво курится, во мглѣ небесъ теряясь.

Суровъ и дикъ ея могучій видъ!
Подъ шумъ и гулъ морской, она въ дыму стоитъ,
Какъ неугасшій жертвенникъ титановъ,
И Ночь, спускаясь съ горъ, вступаетъ точно въ храмъ,
Гдѣ мрачный хоръ поетъ въ сѣдыхъ клубахъ тумановъ
Торжественный хоралъ невѣдомымъ богамъ.

*

Зеленоватый свѣтъ пустынной лунной ночи,
Далеко подъ горой—морской пустынный блескъ...
Я слышу на горахъ осенній вѣтеръ въ соснахъ
И подъ обрывомъ скалъ—невнятный шумъ и плескъ.

Порою блескъ воды, какъ мѣдный щитъ, свѣтлѣетъ,
Порой тусклѣетъ онъ и зыбью взоръ томить...
Находятъ облака... Осенній вѣтеръ вѣетъ
Соленой свѣжестью—и все кругомъ шумить.

И въ шорохѣ глухомъ и гулѣ горныхъ сосенъ
Я чувствую тоску ихъ безнадежныхъ думъ,
А въ шумномъ плескѣ волнъ—лишь холодъ лунной ночи
Да мертвый плескъ и шумъ.

Отчего ты печально, вечернее небо?
Оттого ли, что жаль мнѣ земли,
Что туманно синѣетъ безбрежное море
И скрывается солнце вдали?

Отчего ты прекрасно, вечернее небо?
Оттого-ль, что далеко земля,
Что съ прощальною грустью закатъ угасаетъ
На косыхъ парусахъ корабля,

И шумятъ тихимъ шумомъ вечернія волны
И баюкаютъ пѣсней своей
Одинокое сердце и грустныя думы
Въ безпредѣльномъ просторѣ морей?

ВЪ ЗАЛИВѢ.

На мертвый якорь кинули баканъ,
И вотъ, среди кипящаго залива,
Онъ прыгаетъ и мечется тоскливо,
И звонъ его несется сквозь туманъ.

Осенній мракъ сгущается въ дали,
Подходить ночь,—и по волнамъ тяжелымъ
Ныряютъ и качаются за моломъ
Забутые пустые корабли.

И мачты ихъ средь темной высоты
Чертятъ туманъ все шире и быстрѣе,
И плаваютъ среди тумана реи,
Какъ черные могильные кресты.

*

Дологъ былъ во мракѣ ночи
Нашъ невѣрный трудный путь!
Напрягались тщетно очи
Разглядѣть хоть что-нибудь...
Только гнулась и скрипѣла
Тяжко мачта, да шумѣло
Море черное, и челнъ
Уносило и качало,
И съ разбѣгу осыпало
Ледяною пылью волнъ...

Но рѣдѣетъ мракъ холодный;
Отдѣлились небеса
Отъ сѣдой пучины водной,
И сѣрѣютъ паруса.
Надъ свалившеюся тучей,
Какъ надъ черной горной кручей,
Звѣзды блещутъ серебромъ;
Надъ кормой огонь сигнальный
Искрой блѣдной и печальной
Догораетъ... А кругомъ—

Изъ морской дали туманной,
Блѣднымъ сумракомъ одѣтъ,
Ужъ сквозить разсвѣтъ багряный,
Дышитъ холодомъ разсвѣтъ!

И все ярче межъ волнами,
Въ брызгахъ огненно-живыхъ,
Въ переливахъ голубыхъ,
Золотое блещетъ пламя,
И все выше надъ волной
Глубью радостной, иной
Бирюза сквозить и таетъ
И, качая быстрый челнъ,
Свѣтлой влагой, пылью волнъ
Море весело кидаетъ!

СЪВЕРНОЕ МОРЕ.

Холодный вѣтеръ, рѣзкій и покой, рну
Кидаеть насъ, и тяжело грести.
Но не могу я взоровъ отвести
Отъ бурныхъ волнъ, отъ ихъ пучины черной.

Онѣ кипятъ, бушуютъ и гудятъ,
Въ ухабахъ ихъ, межъ зыбкими горами,
Качають чайки острыми крылами
И съ воплями надъ бездною скользятъ.

И вѣтеръ вторитъ дикимъ завываньемъ
Ихъ жалобнымъ, но радостнымъ стенаньямъ,
Потяжелѣе выбираетъ валъ,

Напрягши грудь, на немъ взмечаетъ пѣну
И бьетъ его о каменную стѣну
Прибрежныхъ мрачныхъ скалъ.

ПЛЕЯДЫ.

Стемнѣло. Вдоль аллеи, надъ сонными прудами,
Бреду я наугадъ.
Осенней свѣжестью, листвою и плодами
Благоухаетъ садъ.

Давно онъ порѣдѣлъ,—и звѣздное сіянье
Блѣдетъ межъ вѣтвей.
Иду я медленно,—и мертвое молчанье
Царитъ во тѣмѣ аллеи.

И звонокъ каждый шагъ среди ночной прохлады,
И царственнымъ гербомъ
Горятъ холодныя алмазныя Плеяды
Въ безмолвіи nocturno.

Открыты жнивья золотыя,
И свѣтлой кажутся мечтой
Просторъ небесъ, поля пустыя
И день, прохладный и пустой.

Орель, съ дозорнаго кургана
Взмахнувшій въ этой пустотѣ,
Какъ надъ равниной океана
Весь четко виденъ въ высотѣ.

И, на курганѣ одинокомъ
Сдержавъ горячаго коня,
Степь отъ заката до востока
Въ прозрачной дали вижу я.

Какъ низко, вольно и просторно
Степныхъ атакъ раскинуть кругъ!
И какъ легко фатой узорной
Плывутъ два облачка на югъ!

И вотъ опять ужъ по зарямъ
Въ выси, пустынной и привольной,
Станицы птицъ летятъ къ морямъ,
Чернѣя цѣпью треугольной.

Ясна заря, безмолвна степь,
Закатъ алѣетъ, разгораясь—
И тихо въ небѣ эта цѣпь
Плыветъ, размѣренно качаясь.

Какая даль и вышина!
Глядишь—и бездной голубою
Небесъ осеннихъ глубина
Какъ будто таетъ надъ тобою.

И обнимаетъ эта даль,
Душа отдаться ей готова—
И новыхъ, свѣтлыхъ думъ печаль
Освобождаетъ отъ земного.

ВЪ СТЕПИ.

Н. Д. ТЕЛЕШОВУ.

Вчера въ степи я слышалъ отдаленный
Крикъ журавлей. И дико, и легко
Онъ прозвенѣлъ надъ тихими полями
Веселою и гордою свободой...
Путь добрый! Имъ не жаль насъ покидать:
И новая цвѣтушая природа,
И новая весна ихъ ожидаетъ
За синими, за теплыми морями,
А къ намъ идетъ угрюмая зима:
Засохла степь, лѣсъ глохнетъ и желтѣетъ,
Осенній вѣтеръ, тучи нагоняя,
Открылъ въ кустахъ звѣриныя лазы,
Листвой засыпалъ доли и овраги,
И по ночамъ въ ихъ черной темнотѣ,
Подъ шумъ деревьевъ, свѣчками мерцаютъ,
Таинственно блуждая, волчьи очи...
Да, край родной не радуется теперь!
И все-таки, кочующія птицы,
Не пробуждаетъ зависти во мнѣ
Вашъ звонкій крикъ, и гордый, и свободный!

Здѣсь грустно. Ждемъ мы сумрачной поры,
Когда въ степи сѣдой туманъ ночуетъ,
Когда во мглѣ разсвѣтъ едва бѣлѣетъ
И лишь бугры чернѣютъ сквозь туманъ.
Но я люблю, кочующія птицы,
Родныя степи. Бѣдныя селенья—
Моя отчизна; я вернулся къ ней,
Усталый отъ скитаній одинокихъ,
И понялъ красоту въ ея печали
И счастье—въ печальной красотѣ...

Бываютъ дни: повѣетъ теплымъ вѣтромъ,
Проглянетъ солнце, ярко озаряя
И лѣсъ, и степь, и старую усадьбу,
Пригрѣетъ листья влажные въ лѣсу,
Глядишь—и все опять повеселѣло!
Какъ хорошо, кочующія птицы,
Тогда у насъ! Какъ весело и грустно
Въ пустомъ лѣсу межъ черными вѣтвями,
Межъ золотыми листьями березъ
Синѣетъ наше ласковое небо!

Я въ эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинниковъ поблекшихъ ароматы
И слушая дроздовъ веселыхъ крики;
Люблю уйти одинъ на дальній хуторъ,
Смотрѣть, какъ озимь мягко зеленѣетъ,
Какъ бархатомъ блестятъ на солнцѣ пашни,
А вдалекѣ, на жнивьяхъ золотыхъ,
Стоитъ туманъ, прозрачный и лазурный.

Моя весна тогда зоветъ меня, —
Мечты любви и юности далекой,
Когда я васъ, кочующія птицы,
Съ такою грустью къ югу провожалъ!
Мнѣ вспоминается бывшее счастье,
Бывшие дни... Но мнѣ не жаль бывшего:
Я не грущу, какъ прежде, о бывшемъ, —
Оно живетъ въ моемъ безмолвномъ сердцѣ,
А міръ вездѣ исполненъ красоты.
Мнѣ въ немъ теперь все дорого и близко:
И блескъ весны за синими морями,
И сѣверныя скудныя поля,
И даже то, что ужъ совсѣмъ не можетъ
Васъ утѣшать, кочующія птицы, —
Покорность грустной участи своей!

*

Таинственно шумить лѣсная тишина,
Незримо по лѣсамъ поетъ и бродитъ Осень...
Темнѣетъ день за днемъ, — и вотъ опять слышна
Тоскующая пѣснь подъ звонъ угрюмыхъ сосенъ.

„Пусть по вѣтру летитъ и кружится листва,
Пусть замететъ она печальный слѣдъ бывшего!
Надежда, грусть, любовь — вы, старыя слова,
Какъ блеклая листва, не расцвѣтете снова!“

Угрюмо боръ гудитъ, несутся листья въ даль...
Но въ шумномъ ропотѣ и пѣснѣ безнадежной
Я слышу жалобу: въ ней тихая печаль,
Укоръ бывшей веснѣ, — и ласковый, и нѣжный.

И далеко еще безмолвная зима...
Душа готова вновь волненьямъ предаваться,
И сладко ей грустить и грустью упиваться,
Не внемля голосу угрюмаго ума.

МЕТЕЛЬ

Ночью въ поляхъ, подъ напѣвы метели,
Дремлютъ, качаясь, березки и ели...
Мѣсяцъ межъ тучекъ надъ полемъ сіяетъ,—
Блѣдная тѣнь набѣгаетъ и таетъ...

Ночью въ избѣ, подъ напѣвы метели,
Тихо разносится скрипъ колыбели..
Мѣсяца свѣтъ въ темнотѣ серебрится,—
Въ мерзлыхъ стеклахъ по лавкамъ струится...

Мертвое поле, дорога степная!
Вьюга тебя заметаетъ ночная,—
Мнится мнѣ ночью: не степи кругомъ,—
Вьюга поетъ на погостѣ глухомъ...

НА ХУТОРѢ.

Свѣчи нагорѣли, дологъ зимній вечеръ...
Сѣлъ ты на лежанку, поднялъ тихій взглядъ—
И звучитъ гитара удалю печальной
Пѣснѣ беззаботной, старой пѣснѣ въ ладъ.

„Гдѣ ты закатилось, счастье золотое?
„Кто тебя развѣялъ по чистымъ полямъ?
„Не взойти надъ степью солнышку съ заката,
„Нѣтъ пути-дороги къ невозвратнымъ днямъ!“

Свѣчи нагорѣли, дологъ зимній вечеръ...
Брови ты приподнялъ, грустенъ тихій взглядъ...
Не судья тебѣ я за грѣхи былого!
Не воротишь жизни прожитой назадъ!

МАТЬ.

И дни, и ночи до утра
Въ степи бураны бушевали
И вѣшки снѣгомъ заметали,
И заносили хутора.
Они врывались въ мертвый домъ —
И стекла въ рамахъ дребезжали,
И снѣгъ сухой въ старинной залѣ
Кружился въ сумракѣ ночномъ.

Но былъ огонь—не угасая,
Свѣтилъ въ пристройкѣ по ночамъ,
И мать всю ночь ходила тамъ,
Глазъ до разсвѣта не смыкая.
Она мерцавшую свѣчу
Старинной книгой заслонила
И, положивъ дитя къ плечу,
Все напѣвала и ходила...

И ночь тянулась безъ конца...
Порой, дремотой обвѣвая,

Шумѣла тише вьюга злая,
Шуршала снѣгомъ у крыльца.
Когда-жъ буранъ въ порывѣ дикомъ
Внезапнымъ шкваломъ налеталъ,—
Казалось ей, что домъ дрожалъ,
Что кто-то слабымъ, дальнимъ крикомъ
Въ степи на помощь призывалъ.
И до утра не разъ слезами
Ея усталый взоръ блестѣлъ,
И мальчикъ вздрагивалъ, глядѣлъ
Большими темными глазами...

...И снилося мнѣ, что осенней порой
Въ холодную ночь я вернулся домой.

По темной дорогѣ прошелъ я одинъ
Къ знакомой усадьбѣ, къ родному селу...
Трещали обмерзшіе сучья лозинъ
Отъ бурнаго вѣтра на старомъ валу...
Деревня спала... И со страхомъ, какъ воръ,
Вошелъ я въ пустынный, покинутый дворъ.

И сжалось сердце отъ боли во мнѣ,
Когда я кругомъ поглядѣлъ при огнѣ!

Нависъ потолокъ, обвалились углы,
Повсюду скрипятъ подъ ногами полы,
И пахнетъ печами... Заброшенъ, забытъ,
Навѣки забытъ онъ, родимый нашъ домъ!
Зачѣмъ же я здѣсь? Чтò осталось въ немъ,
И если осталось—о чемъ говорить?

И снилося мнѣ, что всю ночь я ходилъ
По саду, гдѣ вѣтеръ кружился и вылъ:

Искалъ я отцомъ посаженную ель,
Тѣхъ комнатъ искалъ, гдѣ собиралась семья,
Гдѣ мама качала мою колыбель
И съ нѣжною грустью ласкала меня,—
Съ безумной тоскою кого-то я звалъ,
И садъ обнаженный гудѣлъ и стоналъ.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1901 г.

НОЧЬ и ДЕНЬ.

Старую книгу читаю я въ долгія ночи
При одинокомъ и тихо-дрожащемъ огнѣ:
„Все мимолётно,—и скорби, и радость, и пѣсни.
Вѣченъ лишь Богъ. Онъ въ ночной, неземной тишинѣ“.

Ясное небо я вижу въ окно на разсвѣтѣ.
Солнце восходитъ и горы къ лазури зовутъ:
„Старую книгу оставь на столѣ до заката.
Птицы о радости вѣчнаго Бога поютъ!“

РУЧЕЙ.

Ручей среди сухихъ песковъ...
Куда спѣшить и убѣгаетъ?
Зачѣмъ межъ скудныхъ береговъ
Такъ стойко путь свой пролагаетъ?

Отъ зноя блѣденъ небосклонъ,
Ни облачка въ лазури жаркой;
Весь міръ какъ будто заключенъ
Въ песчаный кругъ въ пустынь яркой.

А онъ, прозраченъ, говорливъ,
Онъ словно знаетъ, что съ востока
Придетъ онъ къ морю, гдѣ заливъ
Предъ нимъ раскроетъ даль широко

И приметъ свѣтлую струю,
Подъ вольной ширью небосклона,
Въ безбрежность синюю свою,
Въ свое торжественное лоно.

ВЪ АЛЬПАХЪ.

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть можетъ, и донинѣ
Снѣга хранятъ мой одинокій слѣдъ.

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостно сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.

И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долинѣ
Его толпы не радуетъ привѣтъ!

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто на вершинѣ.

ОТТЕПЕЛЬ.

Еще и холодень, и сыръ
Февральскій воздухъ, но надъ садомъ
Ужъ смотритъ небо яснымъ взглядомъ,
И молодѣетъ Божій міръ.

Прозрачно-блѣдный, какъ весной,
Слезится снѣгъ недавней стужи,
А съ неба на кусты и лужи
Ложится отблескъ голубой.

Не налюбуюсь, какъ сквозять
Деревья въ лонѣ небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Какъ снѣгири въ кустахъ звенять.

Нѣтъ, не пейзажъ влечетъ меня:
Не краски жадный взглядъ подмѣтитъ,
А то, что въ этихъ краскахъ свѣтитъ,—
Любовь и радость бытія.

Она повсюду разлита:
Въ лазури неба, въ птичьемъ пѣньи,
Въ снѣгахъ и вешнемъ дуновеньи,—
Она вездѣ, гдѣ красота!

ОБЛАКО.

Высоко въ просторѣ неба,
Все сіяя бѣлизною,
Вышло облачко на полдень
Надъ равниной водяною.

Изъ болотъ оно возстало,
Изъ холодного тумана,
Но, какъ лебедь, засіяло
Въ синей стали океана...

Не затѣмъ ли ты возникло,
Чтобы въ вѣчномъ отразиться?
Не затѣмъ ли ввысь стремилось,
Чтобъ подъ солнцемъ раствориться?

Вышло облачко высоко,
Стало тонкое, сквозное,
Улыбнулось одиноко—
И угасло въ яркомъ зноѣ.

РАКЕТА.

Былъ поздній часъ—и вдругъ надъ темнотою,
Высоко надъ уснувшею землею,
Прорѣзавъ ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бѣшеной змѣею.

Стремительно порывъ ее вознесъ...
Но мигъ одинъ—и въ темное забвенье
Уже текутъ алмазы крупныхъ слезъ,
И медленно ихъ тихое паденье.

ПОДСНѢЖНИКИ.

Раскрылось небо голубое
Межъ облаковъ въ апрѣльскій день.
Въ лѣсу все сѣрое, сухое
И паутиной пала тѣнь.

Зато все ярче и нѣжнѣе
Живая неба бирюза,
И смотреть, весело синѣя,
Въ кустахъ подснежниковъ глаза.

Змѣя, шурша листвою дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ
И въ лѣсъ пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по землѣ.

И нѣжный вѣтеръ, поднимая
Весенній шумъ своимъ крыломъ,
Пахнулъ широко лаской мая
И мягкимъ солнечнымъ тепломъ.

Сухіе листья, запахъ пряный,
Атласный блескъ березняка...
О, какъ за этою поляной
Просѣка стройно-глубока!

Какъ утонченно-ярки краски,
Какъ даль свѣтла и хороша!
Какъ жадно вѣрить вешней ласкѣ
Освобожденная душа!

ЖЕМЧУГЪ.

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный, чистый даръ морей!
Въ лонѣ океана, въ раковинѣ тѣсной,
Росъ онъ одиноко, какъ цвѣтокъ безвѣстный,
На обломкахъ мшистыхъ мертвыхъ кораблей.

Бурею весенней выброшенъ со дна,
Онъ лежалъ въ прибоѣ на побережьи дикомъ,
Гдѣ носились чайки надъ водою съ крикомъ,
Гдѣ его качала шумная волна...

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный на груди твоей!
Сладко упиваясь юной красотою,
Въ свѣтломъ Божьемъ мирѣ я брожу мечтою,—
Въ небѣ, въ блескѣ солнца, въ тишинѣ морей;

Съ перлами морскими подъ водой цвѣту,
Разсыпаюсь въ рифахъ влагой голубою—
И одно есть счастье: раздѣлить съ тобою,
Эту радость жизни, эту красоту!

СЪ КУРГАНА.

Дымится поле, разсвѣтъ бѣлѣетъ,
Въ степи туманной кричатъ орлы,
И дико звонокъ ихъ плачъ голодный
Среди холодной плывущей мглы.

Въ росѣ ихъ крылья, въ росѣ бурьяны,
Благоухаютъ поля со сна...
Зарею сладокъ твой бодрый холодъ,
Твой томный голодъ,—твой зовъ, весна!

Ты побѣдила,—вся степь дымится,
Надъ степью властно кричатъ орлы,
И тучи жаркимъ горятъ пожаромъ,
И солнце шаромъ встаетъ изъ мглы!

ЭЛЕГІЯ.

Стояли ночи сѣвернаго мая,
И рѣялъ въ домѣ блѣдный полусвѣтъ.
Я легъ уснуть, но, тишинѣ внимая,
Все вспоминалъ о грезахъ прежнихъ лѣтъ.

Я звалъ тебя, какъ въ юности далекой,
И слышалъ я, какъ ты вошла въ мой домъ,—
Неуловимый призракъ одинокій
Въ старинномъ залѣ, низкомъ и пустомъ.

Я различалъ за шелестомъ одежды
Твои шаги въ глубокой тишинѣ,—
И сладкія, забытыя надежды,
Мгновенныя, стѣснили сердце мнѣ.

Я уловилъ изъ оконъ свѣжесть мая,
Глядѣлъ во тьму съ тревогой прежнихъ лѣтъ...
И призракъ твой и тишина нѣмая
Сливались въ грустный, блѣдный полусвѣтъ!

*

Гроза прошла надъ лѣсомъ стороною,
Былъ теплый дождь, въ травѣ стоитъ вода...
Иду одинъ тропинкою лѣсною,
И въ синевѣ вечерней надо мною
Слезою свѣтлой искрится звѣзда.

Иду—и вспоминается мерцанье
Мнѣ звѣздъ иныхъ... глубокій мракъ рѣсницъ,
И ночь, и тучи жаркое дыханье,
И молодой грозы благоуханье,
И трепеть замирающихъ зарницъ...

Все пронеслось, какъ бурный вихрь весною,
И все въ душѣ я сохраню, любя...
Слезою свѣтлой блещетъ надо мною
Звѣзда весны за чашей кружевною...
Какъ я люблю тебя!

ВЪ СТАРОМЪ ГОРОДѢ.

Съ темной башни колоколъ уныло
Возвѣщаетъ, что закатъ угасъ.
Вотъ и снова городъ ночь сокрыла
Въ мягкій сумракъ отъ усталыхъ глазъ.

И нисходитъ кроткій часъ покоя
На дѣла людскія. Въ вышинѣ
Робко свѣтятъ звѣзды. Все земное
Смерть, какъ стражъ, обходитъ въ тишинѣ.

Улицей бредетъ она пустынной,
Смотрить въ окна, гдѣ чернѣетъ тьма:
Всюду глухо. Съ важностью старинной
Въ переулкахъ высятся дома.

Тамъ въ садахъ платаны зацвѣтають,
Нѣжно вѣетъ раннею весной,
А на окнахъ дѣвушки мечтають,
Упиваясь свѣжестью ночной.

И въ молчаньи только имъ не страшень
Близкой смерти медленный дозоръ,
Сонный городъ, думы черныхъ башень
И часовъ задумчивый укоръ.

СЧАСТЬЕ.

П. А. ВИЛУСУ.

Весенняго ливня мы ждемъ...
Ужъ тучки синѣютъ сердито,
И въ воздухѣ пахнетъ дождемъ,
А къ югу все небо раскрыто...
Какъ чисто и весело въ немъ!

Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,—
Стоять зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ бы казались пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.

Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала—и, сотнями иголь
Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгаль—
И садъ зашумѣлъ отъ дождя.

И вѣтеръ, играя листвою,
Смѣшалъ молодая березки,
И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блески,
А лужи налили синевой.

Вонъ радуга... Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ
И счастьемъ простымъ дорожить:
Съ открытой бродить головой,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдкѣ песокъ золотой...
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ!

*

Ту звѣзду, что качалася въ темной водѣ
Подъ кривою ракитой въ заглохшемъ саду,—
Огонекъ, до разсвѣта мерцавшій въ прудѣ,
Я теперь въ небесахъ никогда не найду.

Въ то селенье, гдѣ шли молодые года,
Въ старый домъ, гдѣ я первыя пѣсни слагалъ,
Гдѣ я счастья и радости въ юности ждалъ,
Я теперь не вернусь никогда, никогда!

*

Отошли закаты на далекій сѣверъ,
Но всю ночь хранится солнца алый слѣдъ.
Тихо въ темномъ полѣ, сладко пахнетъ клеверъ,
Надъ землею брезжитъ тонкій полусвѣтъ.

Это—ночи робкихъ молодыхъ мечтаній,
Предразсвѣтный сумракъ въ чуткомъ полуснѣ.
Это—ночи грусти и воспоминаній,
Думы на закатѣ о былой веснѣ.

*

Облака, какъ призраки развалинь,
Встали на зарѣ изъ-за долинъ.
Теплый вечеръ темень и печалень,
Въ темномъ домѣ я совсѣмъ одинъ.

Слабымъ звономъ люстра отвѣчаетъ
На шаги по комнатѣ пустой...
А вдали заря зарю встрѣчаетъ,
Ночь зоветъ безсмертной красотой.

Покоряясь смѣнѣ, одиноко
Мы уходимъ... Скоро догоритъ
Нашъ закатъ... Но день ужъ недалеко,—
Онъ другихъ улыбкой озаритъ.

Кто сумѣетъ въ эту ночь отвѣтить,
Для чего лелѣялъ я мечты?
Не затѣмъ ли, чтобъ покорно встрѣтить
Эту смѣну вѣчной красоты?

НА МОНАСТЫРСКОМЪ КЛАДБИЩѢ.

Ударилъ колоколъ—и дрогнулъ сонъ гробницъ,
И голубей испуганная стая
Вдругъ поднялась съ карнизовъ и бойницъ
И закружилась, крыльями блистая,
Надъ мшистою стѣной монастыря...

О, ранній благовѣстъ и майская заря!
Какъ этотъ звонъ, могучій и тяжелый,
Сливается съ открытой и веселой
Равниной зеленѣющихъ полей!
Ударилъ колоколъ—и стала ночь свѣтлѣй,
И позабыты старыя гробницы
И кельи тѣсныя, и страхи темноты,—
Душа, затрепетавъ крылами вольной птицы,
Коснулась солнечной поющей высоты!

АККЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

„КРЫМСКІЕ СОВЕТЫ“ МИЦКЕВИЧА.

Выходимъ на просторъ степного океана.
Возъ тонетъ въ зелени, какъ челнъ въ равнинѣ водъ,
Межъ заводовъ цвѣтовъ, въ волнахъ травы плыветъ,
Минуя острова багрянаго бурьяна.

Темнѣетъ. Впереди—ни шляха, ни кургана.
Жду путеводныхъ звѣздъ, гляжу на небосводъ...
Вонъ блещетъ облако, а въ немъ звѣзда встаетъ:
То за стальнымъ Днѣстромъ маякъ у Аккермана.

Какъ тихо! Постоимъ. Далеко въ сторонѣ
Я слышу журавлей въ незримой вышинѣ,
Внемлю, какъ мотылекъ въ травѣ цвѣты колышетъ,
Какъ гдѣ-то скользкій ужъ, шурша, въ бурьянъ ползетъ.

Такъ ухо звука ждетъ, что можно бы слышать
И зовъ съ Литвы... Но въ путь!—Никто не позоветъ.

ЧАТЫРДАГЪ.

„КРЫМСКІЕ СОВЕТЫ“ МИЦКЕВИЧА.

Склоняюсь съ трепетомъ къ стопамъ твоей твердыни,
Великій Чатырдагъ, могучій ханъ Яйлы!
О, мачта крымскихъ горъ! О, минаретъ Аллы!
До тучъ вознесся ты въ лазурныя пустыни

И тамъ стоишь себѣ у вратъ надзвѣздныхъ странъ,
Какъ грозный Гавріиль у вратъ святого рая.
Зеленый лѣсъ—твой плащъ, а тучи—твой тюрбанъ,
И молніи на немъ узоры ткуть, блистая.

Печетъ ли солнце насъ, плыветъ ли мгла, какъ дымъ,
Летитъ ли саранча, иль жжетъ гяуръ селеня,
Ты, Чатырдагъ, всегда и нѣмъ, и недвижимъ.

Безстрастный драгоманъ всемірнаго творенья,
Поправъ весь дольний міръ подножіемъ своимъ,
Ты внемлешь лишь Творца предвѣчныя вѣлѣнья!

*

Въ поздній часъ мы были съ нею въ полѣ.
Я дрожа касался нѣжныхъ губъ.
„Я хочу объятія до боли,—
Будь со мной безжалостенъ и грубъ!“

Утомясь, она просила нѣжно:
„Убаюкай, дай мнѣ отдохнуть!
Не цѣлуй такъ крѣпко и мятечно,
Положи мнѣ голову на грудь“.

Звѣзды тихо искрились надъ нами,
Тонко пахло свѣжестью росы.
Ласково касался я устами
До горячихъ щекъ и до косы.

И она забылась. Разъ проснулась,
Какъ дитя вздохнула въ полуснѣ,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалася ко мнѣ.

Ночь царила долго въ темномъ полѣ.
Долго милый сонъ я охранялъ...
А потомъ на золотомъ престолѣ,
На востокѣ, тихо засіялъ

Новый день,—въ поляхъ прохладно стало...
Я ее тихонько разбудилъ
И въ степи, сверкающей и алой,
По росѣ до дому проводилъ.

*

Зеленый цвѣтъ морской воды
Сквозить въ стеклянномъ небосклонѣ;
Алмазь предутренней звѣзды
Блестить въ его прозрачномъ лонѣ.

И, какъ ребенокъ послѣ сна,
Дрожитъ звѣзда въ огнѣ денницы,
А вѣтеръ дуетъ ей въ рѣсницы,
Чтобъ не закрыла ихъ она.

*

Спокойный взоръ, подобный взору лани,
И все, что въ немъ такъ нѣжно я любилъ,
Я до сихъ поръ въ печали не забылъ,
Но образъ твой теперь уже въ туманѣ.

А будутъ дни—угаснетъ и печаль,
И засинѣетъ сонъ воспоминанья,
Гдѣ нѣтъ ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

НОЧЬ.

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и вѣчнаго. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звѣздный свѣтъ надъ сумракомъ земли.

Какъ письма, мерцаютъ въ тверди синей
Плеяды, Вега, Марсъ и Оріонъ.
Люблю я ихъ теченье надъ пустыней
И тайный смыслъ ихъ царственныхъ именъ!

Какъ нынѣ я, mirьяды глазъ слѣдили
Ихъ древній путь. И въ глубинѣ вѣковъ
Всѣ, для кого онѣ во тьмѣ свѣтили,
Исчезли въ ней, какъ слѣдъ, среди песковъ.

Ихъ было много, нѣжныхъ и любившихъ,
И дѣвушекъ, и юношей, и женъ,
Ночей и звѣздъ, прозрачно-серебрившихъ
Ефратъ и Ниль, Мемфисъ и Вавилонъ.

Вотъ снова ночь. Надъ блѣдной сталью Понта
Юпитеръ озаряетъ небеса,
И въ зеркалѣ воды до горизонта,
Столбомъ стекляннымъ свѣтитъ полоса.

Прибрежья, гдѣ бродили тавро-скиѣ,
Уже не тѣ,—лишь море въ лѣтній штиль
Все также сыплетъ ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль.

Но есть одно, что вѣчной красотою
Связуетъ насъ съ отжившими. Была
Такая-жъ ночь—и къ тихому прибою
Со мной на берегъ дѣвушка пришла.

И не забыть мнѣ этой ночи звѣздной,
Когда весь міръ любилъ я для одной:
Пусть я живу мечтою бесполезной,
Туманной и обманчивой мечтой,—

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и тайнаго, какъ сонъ.
Люблю ее за счастье сліянья
Въ одной любви съ любовью всѣхъ временъ!

ЗАРНИЦА.

Зарницы ликъ, какъ сновидѣнье,
Блеснулъ—и въ темнотѣ исчезъ.
Но увидалъ я на мгновенье
Всю даль и глубину небесъ.

Тамъ въ горнемъ свѣтѣ встали горы
Изъ розоватыхъ облаковъ,
Тамъ градъ и райскіе соборы...
И снова черный палъ покровъ.

Вотъ задрожалъ и вспыхнулъ снова—
И снова блещущій восторгъ!
И мракъ томленія земного
Господь десницею расторгъ...

Не также-ль въ радости случайной
Мечта порой взмахнетъ крыломъ—
И вдругъ блеснетъ небесной тайной
Все потонувшее въ быломъ?

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

За все Тебя, Господь, благодарю!
Ты, послѣ дня тревоги и печали,
Даруешь мнѣ вечернюю зарю,
Просторъ полей и кротость синей дали.

Я одинокъ и нынче, какъ всегда.
Но вотъ закатъ разлилъ свой пышный пламень—
И таетъ въ немъ Вечерняя Звѣзда,
Дрожа насквозь, какъ самоцвѣтный камень.

И счастливъ я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая въ сознаньи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаньи,
Что всѣмъ я чуждъ и говорю—съ Тобой!

КУРГАНЪ.

Любилъ онъ ночи темныя въ шатрѣ,
Степныхъ кобылъ заливчатое ржанье,
И передъ битвой волчье завыванье,
И коршуновъ на сумрачномъ бутрѣ.

Нагую даль онъ осенью любилъ
И никогда не могъ насытить взора
Свободою пустынного простора
И широтою первобытныхъ силъ.

И жажду жизни силясь утолить,
Онъ за врагомъ скакалъ, какъ изступленный,
Чтобъ дерзостью погони опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.

Стрѣлою скиѣ насквозь его пробилъ
И тамъ, гдѣ смерть ему закрыла очи,
Возсталъ курганъ—и темный вѣтеръ ночи
Дождемъ холодныхъ слезъ его кропилъ.

Прошли вѣка, но слава древней были
Жила въ вѣкахъ... Нѣтъ смерти для того,
Кто жизнь любилъ, и пѣсни сохранили
Далекое наслѣдіе его.

Онъ поютъ печаль воспоминаній,
Онъ безсмертье прошлого поютъ
И жизни, отошедшей въ міръ преданій,
Свой братскій зовъ и голосъ подаютъ.

ВЕСНЯНКА.

Передъ грозой въ Петровки, жаркой ночью,
Среди лѣсного ропота и шума,
Спѣшилъ я, спотыкаясь на коряги
И путаясь межъ елокъ, за Веснянкой.
Она, какъ легкій призракъ, уходила,
Какъ дѣвочка, скакала по оврагамъ,
И, бѣлая, мелькала въ темнотѣ,
Когда зарницу вѣтромъ раздувало.
Въ одинъ прыжокъ я могъ ее настигнуть,
Но у меня ужъ запеклись уста
И сердце трепетало, точно голубь.
„Постой!“—хотѣлъ я крикнуть—и не могъ.

Мы долго съ ней бѣжали по болоту,
Вдоль озера, вдоль отмели, заросшей
Купавами, травой и камышами,
И, наконецъ, я выбился изъ силъ.
Хочу сказать: „Остановись, не бойся!“
Она на мигъ оглянется—и въ путь!
А между тѣмъ въ лѣсу поднялся вѣтеръ,
Деревья недовольно зароптали,

Задвигали мохнатой хвоей ели
И звѣзды замелькали изъ-за нихъ.
Кричу за ней: „Остановись, послушай!
Я все равно до свѣта не отстану,
Ты понапрасну мучишься“... Не слышитъ!

Вдругъ молнія всю чашу озарила
Таинственнымъ и блѣдно-синимъ свѣтомъ...
„Стой! крикнулъ я.—Лишь слово! Я не трону“...
(Она остановилась на мгновенье)
„Постой!—сказалъ я слабо.—Я измученъ,
Я потерялъ надежду... Но скажи:
Зачѣмъ же ты мнѣ душу обольщала?
Зачѣмъ со мной встрѣчалась вечерами,
Ждала меня надъ заводью темнѣвшей,
Гдѣ сумрачно и тускло рдѣли воды?
Зачѣмъ со мной ты слушала, грустя,
Далекихъ пѣсенъ радость молодую?
Зачѣмъ потомъ, когда онѣ смолкали
И только комары звенѣли сонно
Да нѣжно пахло теплою водой,
Ты разбирала ласково мнѣ кудри,
А я глядѣлъ съ твоихъ колѣнъ въ глаза?
Зачѣмъ во тьмѣ, когда изъ тихой рощи
Гремѣли соловьи, ты наклонялась
Къ моей щекѣ горячею щекой
И цѣловала... прежде—осторожно,
Едва касаясь жадныхъ устъ устами,
А послѣ—все томительнѣй и крѣпче?
Скажи, зачѣмъ?“—Она лицо и очи,
Закрыла вдругъ и горько зарыдала.

„Да любишь ли?“—вскричалъ я, озлобяясь.
„Нѣтъ!—со злобою отрѣзала она,—
„Нѣтъ, не люблю и никогда не буду!“

И долго мы, какъ звѣри за добычей,
Опять бѣжали въ рошѣ. Шумный ливень
По темнымъ чашамъ съ громомъ бушевалъ,
Даль раскрывали молніи—и ярко
Бѣлѣло платье дѣвичье... Но вдругъ
Оно исчезло, точно провалилось.
Я выскочилъ съ разбѣга на опушку,
Упалъ въ овесъ, запутанный и мокрый,
И зарыдалъ, какъ мальчикъ... Слезы долго
И сладостно мнѣ сердце облегчали,
Но, наконецъ, изсякли. Въ вышинѣ,
Сквозь жидкія, разорванныя тучи,
Мелькнули звѣзды. Вѣтеръ осторожно
И, какъ живой, среди овсовъ шурша,
Пахнулъ съ гречихъ медвянымъ ароматомъ,—
И вдругъ, открывъ глаза, я улыбнулся.

„О, нѣтъ!—сказалъ я, радостно вздохнувъ,—
„Я все прощу, я все смогу исправить!
„Я страсть сломилъ... Пойду къ ней и скажу:
„Прости меня,—я изнемогъ, измученъ,
„Люби другихъ,—меня лишь пожалѣй.
„Такъ горестно, такъ сладко жить на свѣтѣ,
„Любя нераздѣленною любовью,
„Но чувствуя, что ты не одинокъ!“
И, вновь вскочивъ, я вновь упалъ на землю.

Я замиралъ, я трепеталъ отъ скорби,
Стоналъ, какъ звѣрь, и плакалъ, расточая
Безумныя и нѣжныя слова...
Потомъ я обезсилѣлъ. Наступило
Сѣдое утро, тихое, сырое,
Овсы къ землѣ приникли—и устало
Я головой склонился на межу...
Грозы не будетъ больше. Скоро осень.

ЭПИТАЛАМА.

Озаренъ былъ сумракъ мрачный
Въ старомъ храмѣ, и сіялъ
Чистый образъ новобрачной,
При огняхъ, въ фатѣ прозрачной,
Подъ молитвенный хоралъ.

А изъ оконъ ночь синѣла.
Зимній вечеръ темень былъ,
Вьюга въ сумракъ шумѣла,
Грустно съ колоколомъ пѣла,
Подымая снѣгъ съ могилъ...

Восприми же въ часъ урочный
Юной жизни торжество!
Будь любимой, непорочной:
Близокъ мертвый часъ полночный,
Близокъ сонъ и мракъ его.

Сохрани уборъ вѣнчальный,
Сохрани цвѣты твои:
Въ жизни краткой и печальной
Свѣтитъ только безначальный,
Непорочный свѣтъ любви!

Свѣтло, какъ днемъ, и тѣнь за нами бродить
Въ нагихъ кустахъ. На серебрѣ травы
Луна съ небесъ таинственно обводитъ
Сіяніе вокругъ темной головы.

Луна взошла надъ садомъ такъ высоко,
Что рѣдкій садъ весь виденъ до воротъ.
И все молчитъ. И вѣтъ издалека
Съ пустого поля сыростью болотъ.

Остановясь, ловлю твой взоръ прощальный,
Но въ сердцѣ холодъ мертвенный таю—
И блѣдный ликъ, загаочно-печальный,
Подъ блѣдною луной не узнаю!

Смотрить мѣсяцъ ненастный, какъ сыплются желтые листья,
Какъ проносится вѣтеръ въ безпомощно-зыбкомъ саду.
На кусты и поляны въ тоскѣ припадаютъ деревья:
„Пронеси, вольный вѣтеръ, скорѣй эту жуткую ночь!
„Не за то-ль такъ нещадно насъ мучитъ холодная осень,
„Что цвѣли мы весной, упиваясь улыбкой небесъ,
„Забывая въ дни счастья про черныя ночи ненастья,—
„Роковую расплату за радость весны и любви?“
Съ неземною печалью глядитъ затуманенный мѣсяцъ.
Вѣтеръ въ жуткомъ восторгѣ проносится въ черныхъ кустахъ:
„Достигайте въ несчастіи радости мукъ безпредѣльных!
Приготовьтесь къ великому мукой великихъ потерь!“

СОНЪ-ЦВѢТОКЪ.

Это было глухое, тяжелое время.
Дни въ разлукѣ текли, я, какъ мертвый, блуждалъ,
А съ вечернимъ закатомъ я лошадь сѣдлалъ
И въ безлюдномъ дворѣ ставилъ ногу на стремя.

На горѣ меня темное поле встрѣчало.
Въ темноту, на востокъ, направлялъ я коня—
И пустынная ночь окружала меня
И, склонивши колосья, глубоко молчала.

Замыкалось кольцомъ море спѣлаго хлѣба.
Жизни не было въ немъ. Ужъ давно отцвѣли
Тѣ цвѣты, что въ поляхъ хороводы вели
И смотрѣли въ далекое, ясное небо.

И, молчанью внимая, я тихо склонялся
Головой на лукъ. Я безъ мысли глядѣлъ
На темнѣвшую даль и душой холодѣлъ,
И въ холодной, покорной тоскѣ забывался.

Позднимъ лѣтомъ въ степи на казацкихъ могилахъ
„Сонъ-цвѣтокъ“ въ полуснѣ одиноко цвѣтетъ:
Онъ живой, но сухой... Онъ угаснуть не въ силахъ,
Но весна для него не придетъ!

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Въ окно я вижу груды облаковъ
Холодныхъ, бѣлоснѣжныхъ, какъ зимою,
И яркость неба влажно-голубого.
Осенній полдень свѣтель, и на сѣверъ
Уходятъ тучи. Клены золотые
И бѣлыя березки у балкона
Сквозятъ на небѣ рѣдкою листвою,
И хрусталь на нихъ сверкаютъ льдинки.
Онѣ, качаясь, таютъ, а за домомъ
Бушуетъ вѣтеръ... Двери на балконѣ
Уже давно заклеены къ зимѣ,
Двойныя рамы, топлёныя печи —
Все охраняетъ ветхій домъ отъ стужи,
А по саду пустому кружить вѣтеръ
И, листья подметая по аллеямъ,
Гудитъ въ березахъ старыхъ... Свѣтель день,
Но холодно,—до снѣга недалеко.

Въ концѣ аллеи есть старая калитка.
Подъ нею лужа зеркаломъ чернѣетъ,
А въ лужѣ—тлѣютъ листья. За калиткой

Зеленыхъ всходовъ лоснится равнина
И даль полей открыта... Много дней
Вдоль тѣхъ аллей, среди березъ гудящихъ,
Подъ холодомъ и вѣтромъ я скитался,
Пытаясь къ одиночеству привыкнуть,
Забыть тебя, унять тоску разлуки,
Пока въ тоскѣ душа не истомилась,
Пока недугъ печали не сломилъ...
Теперь я отдыхаю. Одиноко
Проходятъ дни, но горе миновало.
Мнѣ весело глядѣть теперь на небо,
На облака, на солнце... Я съ улыбкой
Внимаю пѣснѣ вѣтра, что разгульно
Весь день звенить и свищетъ въ щели рамъ.

Я часто вспоминаю осень юга...
Теперь на Черномъ Морѣ непрерывно
Бушуютъ бури: тусклый блескъ отъ солнца,
Скалистый берегъ, бѣшенный прибой
И въ шумѣ волнъ сверкающая пѣна...
Ты помнишь этотъ берегъ, окаймленный
Его широкой снѣжною грядой?
Бывало, мы сбѣжимъ къ нему съ обрыва
И жадно ловимъ вѣтеръ. Вольно вѣтеръ
Онъ бодростью и свѣжестью морской;
Срывая брызги съ бурнаго прибоя,
Онъ влажной пылью воздухъ наполняетъ
И снѣжныхъ чаекъ носить надъ волнами.
Мы въ шумѣ волнъ кричимъ ему навстрѣчу,
Онъ валитъ съ ногъ и заглушаетъ голосъ,
А намъ легко и весело, какъ птицамъ...

Ты помнишь, что я говорилъ тебѣ?
„Люби и грусть, и радость,—пѣсни жизни“.

Все это сномъ мнѣ кажется теперь.
Деревня, глушь, забытая усадьба—
И только вѣтеръ тотъ же... Онъ играетъ
Въ березахъ старыхъ, кружится по саду
И въ щели рамъ, мѣняясь каждый мигъ,
Поетъ о чемъ-то звонко и высоко...
Какое дѣло вѣтру до сомнѣній,
До слезъ о прошломъ! Жизнь не замедляетъ
Свой вольный бѣгъ,—она зоветъ впередъ,
Она поетъ, какъ вѣтеръ, лишь о вѣчномъ!
Зачѣмъ смущать себя бесплодной думой,
Что мы живемъ не счастьемъ, а надеждой
На это счастье,—что никто не знаетъ,
Къ чему всѣ наши радости и скорби,
Когда насъ ждетъ забвенье и ничто?
Умру—и все-жъ останусь въ этомъ мірѣ,
Какъ часть его великой, вѣчной жизни,
И пусть, пока я сознаю его,
Пока я это чувствую и мыслю,
Пусть сердце не смущается въ печали,
Пусть познаетъ, что и печаль, и радость
Равно прекрасны въ вѣчной жадѣ—жить!

✱

Изъ тѣсной пропасти ущелья
Намъ небо кажется синѣй.
Привѣтъ тебѣ, нѣмая келья
И радость одинокихъ дней!

Звучнѣй и пѣсни, и рыданья
Гремятъ подъ сводами тюрьмы.
Привѣтъ вамъ, гордая страданья
Среди ея холодной тьмы!

НОЧЬЮ ВЪ ЮЛѢ.

Не слышать еще тяжкаго грома за лѣсомъ,—
Только сполохъ зарницъ пробѣгаетъ въ вершинахъ...
Лапы елей висятъ неподвижнымъ навѣсомъ,
И запуталась хвоя въ сухихъ паутинахъ...

Если-жъ молнія вспыхнетъ, какъ пламя надъ горномъ,
Раскрываются чаши въ изломахъ невѣрныхъ,
Точно древніе своды во храмахъ пещерныхъ,
Въ подземельи Перуна, высокомъ и черномъ!

ПОДЪ ТУЧЕЙ.

Полями пахнетъ,—свѣжихъ травъ,
Луговъ прохладное дыханье!
Отъ сѣнокосовъ и дубравъ
Я въ немъ ловлю благоуханье.

Повѣтъ вѣтеръ—и замретъ...
А надъ полями даль темнѣтъ,
И туча изъ-за нихъ растетъ,
Закрыла солнце и синѣтъ.

Нежданной молніи игра,
Какъ мечъ, блеснувшій на мгновенье,
Вдругъ озарить изъ-за бугра,—
И снова сумракъ и томленье...

Какъ ты таинственна, гроза!
Какъ я люблю твое молчанье,
Твое внезапное блистанье,—
Твои безумные глаза!

НА ГОРАХЪ.

Пока я шелъ, я былъ такъ малъ!
Я самъ себѣ такимъ казался,
Когда хребетъ далекихъ скалъ
Со мною росъ и возвышался.

Но на предѣльной ихъ чертѣ
Я переросъ ихъ восхожденье.
Одинъ, въ пустынной высотѣ,
Я чую высшихъ силъ томленье.

Земля—подножіе мое.
Ея громада поднимаетъ
Меня въ иное бытіе,
И душу радость обнимаетъ.

Но бездны страхъ—онъ не исчезъ,
Онъ набѣгаетъ издалека...
Не потому-ль, что одиноко
Я заглянулъ въ лицо небесъ?

КУСТАРНИКЪ.

Жесткой, черной листвою шелеститъ и трепещетъ кустарникъ,
Точно въ снѣжную даль убѣгаетъ въ испугѣ.
Въ бѣломъ полѣ стога, косогоръ и забытый овчарникъ
Тонутъ въ бѣломъ дыму разгулявшейся вьюги.

Дымный вѣтеръ кружить и нестъ въ небѣ вѣрона бокомъ,
Конскій слѣдъ на бѣгу порошить-заметаетъ...
Вонъ прохожій вдали. Истомленъ на пути одинокомъ,
Мертвымъ шагомъ онъ мѣрно и тупо шагаетъ.

„Добрый путь, человекъ! Далеко-ль до села, до ночлега?“
Онъ не слышитъ, идетъ, только голову клонитъ...
А куда и спѣшитъ противъ холода, вѣтра и снѣга?
Родились мы въ снѣгу,—вьюга насъ и схоронитъ.

Занесетъ равнодушно, какъ стогъ, какъ забытый овчарникъ...
Хорошо ей у насъ, на просторѣ великомъ!
Безпріютная жизнь, одинокій подъ бурей кустарникъ,
Не тебѣ одолѣть въ полѣ темномъ и дикомъ!

*

Морозное дыханіе метели
Еще свѣжо, но улеглась метель.
Бѣлѣтъ снѣга мшистая постель,
Въ сугробахъ стынуть траурныя ели.

Ночное небо низко и черно,—
Лишь въ глубинѣ, гдѣ Млечный Путь бѣлѣтъ,
Сквозить его таинственное дно
И холодомъ созвѣздій пламенѣтъ.

Обрывки тучъ порой темнѣютъ въ немъ.
Но стынетъ ночь... И низко надъ землею
Усталый вихрь шипящею змѣею
Скользитъ и жжетъ своимъ сухимъ огнемъ.

НА ОСТРОВѢ.

Люблю я нашъ обрывъ, гдѣ дикою грядою
Бѣлѣютъ стѣны скалъ, смотря на дальній югъ,
Гдѣ моря синяго раскинуть полукругъ,
Гдѣ кажется, что міръ кончается водою,
И дышится легко среди безбрежныхъ водъ.

Въ веселый лѣтній день, когда на солнцѣ блещетъ
Скалистый известнякъ и въ каждый звонкій гротъ
Зеленая вода хрустальной влагой плещетъ,
Люблю я зной и ширь, и вольный небосводъ,
И тихихъ острововъ пустынные высоты.

Ласкаютъ ихъ вѣтры и волны лижутъ ихъ.
А чайки зоркія заглядываютъ въ гроты, —
Косятся въ чуткій мракъ пещеръ береговыхъ
И вдругъ, надъ бѣлыми утесами взмывая,
Сверкаютъ крыльями въ просторахъ голубыхъ,
Кого-то жалобно и звонко призывая.

ПОДЪ ПАРУСОМЪ.

Высоко нашъ флагъ трепещетъ,
Гордо вздулся парусъ полный,
Всталъ, огромный и косой;
А навстрѣчу зыбью плещетъ,
И бѣгутъ-змѣются волны
Быстрой, гибкой полосой.

Изумрудъ горитъ, сверкая,
Въ ней, какъ въ раковинѣ тѣсной,
Мѣдью свѣтитъ на борта;
А кругомъ вода морская
Такъ тяжка и полновѣсна,
Точно ртутью налита:

Ходитъ зыбкими буграми,
Ходитъ мощно и упруго,
Высоко возносить челнъ,
И бѣгущими горами
Принимаютъ другъ отъ друга
Насъ, какъ въ люлькѣ, гребни волнъ.

ЗВѢЗДЫ.

Не устанемъ воспѣвать васъ, звѣзды!—
Вѣчно вы таинственны и юны.
Съ дѣтскихъ дней я робко постигаю
Темныхъ безднъ сіяющія руны.

Въ дѣтствѣ я любилъ васъ безотчетно,—
Сказкою вы нѣжною мерцали...
Въ молодые годы только съ вами
Я дѣлилъ надежды и печали.

Вспоминая первыя признанья,
Я ишу межъ вами образъ милый...
Дни пройдутъ—вы будете свѣтиться
Надъ моей забытою могилой.

И, быть можетъ, я пойму васъ, звѣзды,
И мечта, быть можетъ, воплотится,
Что земнымъ надеждамъ и печалямъ
Суждено съ небесной тайной слиться!

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Затрепетали звѣзды въ небѣ,
И отъ зари, изъ-за аллеи,
Повѣялъ чистый, легкій вѣтеръ
Весенней свѣжестью полей.

Къ закату, точно окрыленный,
Слѣшу за нимъ, и жадно грудь
Его вечерней ласки ищетъ
И счастья въ жизни потонуть.

Всѣхъ, для кого берегъ я юность,
Кого любилъ, опять люблю
И въ тепломъ вѣтрѣ, въ звѣздномъ небѣ
Вновь ласки женскія ловлю.

Не вѣрю, что умру, устану,
Что навсегда въ землѣ усну:
Нѣтъ, —упоенный счастьемъ жизни,
Я лишь до солнца отдохну.

И снова день меня разбудить,
И снова,—чѣмъ-бы ни былъ я,—
Я буду жить и сладко плакать
И славить радость бытія!

СТИХОТВОРЕНІЯ

1902 г.

СМЕРТЬ.

Спокойно на погостѣ подѣ луною...
Крестовѣ объятѣ, камни и сирень...
Но вотъ нашъ склепъ,—подѣ мраморной стѣною,
Какъ темный призракъ, вытянулась тѣнь.

И жутко мнѣ. И мой двойникъ могильный
Какъ будто ждетъ чего-то при лунѣ...
Но я иду, и тѣнь, какъ рабъ безсильный,
Опять ползетъ, опять покорна мнѣ!

ЛѢСНАЯ ДОРОГА.

Въ березовомъ лѣсу, гдѣ распѣваютъ птицы,
Гдѣ въ шелковой травѣ сквозь тѣнь лучи горять,
Темнѣютъ холмики,—могилъ забытыхъ рядъ,
А подъ березами, какъ юныя черницы,
Смирненно елочки зеленыя стоятъ.

Быль здѣсь когда-то скитъ, какъ говорятъ преданья,
И десять дѣвственницъ, отрекшись отъ земли,
Въ немъ приняли обѣтъ святого созерцанья,
Держали строгій постъ и, какъ цвѣты, цвѣли
Подъ пѣнье Божьихъ птицъ и странниковъ сказанья.

Быль здѣсь дремучій боръ, въ народѣ говорятъ,
Быль долгій станъ татаръ, въ лѣсахъ кипѣли битвы;
Потомъ былъ этотъ край спокоенъ и богатъ,
И древній скудный скитъ и подвиги молитвы
Забылись, точно сонъ, ужъ много лѣтъ назадъ.

Не мало было сновъ,—зачѣмъ намъ помнить ихъ?
И вотъ опять весна. Въ лѣсу все зеленѣетъ,
Лѣсъ сѣнокоса ждетъ, а небосклонъ синѣетъ
Межъ бѣлыхъ облаковъ, среди вершинъ лѣсныхъ,
И на глазахъ трава въ полдневномъ зноѣ млѣетъ.

Пройдетъ моя весна, и этотъ день пройдетъ,
Но весело бродить и знать, что все проходитъ,
Межъ тѣмъ какъ счастье жить вовѣки не умретъ,
Покуда надъ землей заря зарю выводитъ
И молодая жизнь родится въ свой чередъ.

Бѣжитъ зеленый лѣсъ, поютъ и свишутъ птицы,
А вонъ и озеро, песчаный, бѣлый скатъ...
Пошелъ! И бубенцы играютъ и гремятъ,
Въ колесахъ, какъ лучи, блестятъ на солнцѣ спицы
И кружева тѣней по лошадямъ скользятъ...

НА ОЗЕРѢ.

На озерѣ, среди лѣсовъ зеленыхъ,
Кувшинки бѣлыя, какъ звѣзды, расцвѣли.
Въ Петровки, въ жаркій день, когда въ бору сосновомъ,
Такъ сухо и свѣтло отъ солнца и песковъ,
Я прихожу на лугъ, подъ тѣнь ольхи серебристой,
Гдѣ пахнетъ мятою и теплою водой,
Гдѣ рѣютъ радужно-стеклянные стрекозы
И блестятъ озеро среди стволовъ березъ.

На озерѣ, въ веселый лѣтній полдень,
Я слышу женскій смѣхъ, далекій крикъ и плескъ,
Въ бору за озеромъ аукается кто-то—
И сладко мнѣ дремать и слушать въ полуснѣ.
Люблю я молодыхъ, счастливыхъ и безпечныхъ,
Люблю зеленый лѣсъ и долгій лѣтній день,
Всѣ голоса его меня зовутъ, волнуютъ...
Но я заката жду. Я жду иной любви.

Закроются на озерѣ кувшинки...
Какъ ночь въ лѣсу темна, спокойна и тепла!
Кузнечики въ травѣ чуть шепчутся Сквозь вѣтви
Бѣлѣетъ озеро,—тамъ звѣзды въ глубинѣ...
Стоишь и слушаешь—и кажется, что звѣзды
Глядятъ изъ темныхъ водъ, и свѣтляки въ кустахъ

Для тѣхъ, кто ждетъ любви, затеплились недвижно...
И вотъ она идетъ,—неслышно и легко.

Таинственно съ песчаного побережья
Она сойдетъ къ водѣ, одежды тихо снявъ,—
И ласковымъ тепломъ вода ее обниметъ,
И закачается у берега звѣзда.
Какъ жутко-хорошо въ ночномъ подводномъ небѣ!
Какая глубина!.. Но поздно,—отдыхъ ждетъ:
Прохлады и легки одежды послѣ влаги,
Песокъ еще хранить полдневное тепло...

О, будутъ, будутъ жуткія мгновенья!
И свѣжестъ влажныхъ косъ, и сладость юныхъ устъ
Я буду, буду пить!—Живу надеждой страстной
Всю душу взять твою—и все отдать тебѣ!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лугомъ облако—и вдругъ
На взгорье радуга упала,
И засверкало все вокругъ.

Стеклянный, рѣдкій и ядреный
Съ веселымъ шорохомъ спѣша,
Промчался дождь, и лѣсъ зеленый
Затихъ, прохладою дыша.

Вотъ день! Ужъ это не впервые:
Прольется—и уйдетъ изъ глазъ...
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!

Едва лишь добѣжимъ до чаши—
Все стихнетъ... О, росистый кустъ!
О, взоръ, счастливый и блестящій,
И холодокъ покорныхъ устъ!

Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пѣна
И небо межъ снастей синѣетъ въ вышинѣ,
Люблю твой блѣдный ликъ, печальная Силена,
Твой безнадежный взоръ, сопутствующій мнѣ.
Люблю подъ шорохъ волнъ рыбацкіе напѣвы
И свѣжесть отъ воды—ночные вздохи волнъ,
И созданный мечтой, манящій образъ дѣвы,
И мой безцѣльный путь, мой одинокій челнъ.

*

Что напрасно мечтать! Кто на пѣсню откликнется?
Каждый слышитъ въ ней только свое...
Пусть же сердце скорѣй съ одиночествомъ свыкнется:
Все равно не воротишь ее!

Если-бъ вы и сошлись, если-бъ вы и смирились,—
Ужъ не той она будетъ, не той!
Кто вернетъ тотъ закатъ, какъ на-вѣкъ вы простились,
Темный взоръ, засіявшій слезой?

Дни бѣгутъ—и теперь отъ былого остались
Только думы о томъ, чего нѣтъ,
Лишь цвѣты, что цвѣли въ день, когда вы вѣнчались,
Да поблекшій портретъ! +

*

Чашу съ темнымъ виномъ подала мнѣ богиня печали.
Тихо выпивъ вино, я въ смертельной истомѣ поникъ.
И сказала безстрастно, съ холодной улыбкой богиня:
„Сладокъ ядъ мой хмѣльной. Это лозы съ могилы любви“.

*

Крестъ въ долинѣ при дорогѣ,
А на немъ, на ржавыхъ копьяхъ
У подножія Распятъ,
Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ...
Какъ былъ ясенъ южный вечеръ!
Какъ любилъ я вечерами
Уходить въ просторъ долины,
Къ одинокому кресту!

Тяжело въ тѣ дни мнѣ было.
Я былъ молодъ, я навѣки
Съ тѣмъ, кому я отдалъ душу,
Разставался въ эти дни.
Чья же грусть мою смиряла?
Кто, задумчивый и кроткій,
Сплелъ въ долинѣ при дорогѣ
Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ?

За широкою долиной,
Въ балкахъ, даль полей синѣла,

Южный августовскій вечеръ
Былъ спокоенъ, тихъ и ясенъ,
А въ долинѣ кто-то пѣлъ.
И звала меня, томила
Даль полей, что позднимъ лѣтомъ
Такъ прекрасна и безстрашна,
Такъ безлюдна и грустна...

Память сердца, образъ милый!
Все, чѣмъ молодость смущала,
Все, чѣмъ сладко упивалось
Молодое сердце въ скорби,
Все теперь слилось съ тобой.
Съ тайной болью вспоминаю
То, чего забыть нѣтъ силы,
Но съ печальнаго пути
Все назадъ гляжу съ печалью,
Все надѣюсь, что услышу
Хоть послѣднее „прости!“

*

Какъ все спокойно и какъ все открыто!
Какъ на землѣ стало тихо и бѣдно!
Садъ осыпается,—все въ немъ забыто,
Небо велико и холодно-блѣдно...

Небо далекое, не ты ли, нѣмое,
Меня пугаешь своимъ просторомъ?
Здѣсь, въ этой бѣдности, гдѣ все родное,
Встрѣчу я осень радостнымъ взоромъ.

Еще разсѣянъ огонь листопада,
И рѣдкія краски ласково-ярки;
Еще синицы свищутъ изъ сада,
И какъ имъ тихо въ забытомъ паркѣ!

И только ночью, когда бушуетъ
Осенній вѣтеръ, все чуждо снова...
И одинокое сердце тоскуетъ
О, если бы близость сердца родного

БРОДЯГИ.

На позабытомъ трактѣ къ Оренбургу,
Въ бесплодной и холмистой котловинѣ,
Большой глухой дороги на востокъ,
Стоить въ лугу холщевая кибитка,
И бродить кляча въ путяхъ. Ни души
Нѣтъ на лугу,—цыганъ въ кибиткѣ дремлетъ,
И дѣвочка-подростокъ у дороги
Сидитъ себѣ одна и равнодушно,
Съ привычной скукой, смотреть на закатъ:
На солнце, уходящее за пашню,
На блескъ лучей надъ темнымъ косогоромъ.
Наморщивъ лобъ отъ вѣтра, вся въ лохмотьяхъ,
Она слѣдитъ въ безлюдьи за холоднымъ
Печальнымъ солнцемъ, тѣнью отъ холма
И алой пылью, вѣющей съ дороги
Изъ-подъ копытъ кобылы,—то молчитъ,
То будто грезитъ,—что то напѣваетъ...
Какая глушь! Какая скудость жизни!
Какіе заунывные напѣвы!
Бродя по свѣту, выгнанный изъ дому
Нуждой и скукой, часто вспоминаю
Я собственное дѣтство: протекло

Оно въ степи, среди лощинъ и пашней,
Среди такихъ же голыхъ косогоровъ,
Какъ вотъ на этомъ трактѣ; много тихихъ
Печальныхъ дѣтствъ зачѣмъ-то расцвѣтало
И расцвѣтеть не разъ еще въ безлюдьи
Степныхъ полей; мнѣ тяжело любить ихъ,
Но какъ забыть родное?.. Ни души
Нѣтъ на лугу, а солнце въ тучку сѣло,
Темнѣетъ въ котловинѣ, вѣтеръ дуетъ
И ночь идетъ... Пошли Господь бродягамъ
Не думать днемъ и не слышать, какъ ночью
Шатается въ сухомъ бурьянѣ вѣтеръ
И что-то шепчетъ, словно въ забыти!
Спи подъ кибиткой, дѣвочка! Проснешься—
Буди отца больного, запрягай—
И снова въ путь... А для чего,—кто скажетъ?
Жизнь, какъ могила въ полѣ, молчалива.

ЗАБЫТЫЙ ФОНТАНЪ.

Разсыпался чертогъ изъ янтаря,—
Изъ края въ край сквозитъ аллея къ дому.
Холодное дыханье сентября
Разносить вѣтеръ по саду пустому.

Онъ замечаетъ листьями фонтанъ,
Взвѣваетъ ихъ, внезапно налетая,
И, точно птицъ испуганная стая,
Кружатъ они среди сухихъ полянъ.

Порой къ фонтану дѣвушка приходитъ,
Влача по листьямъ спущенную шаль,
И по-долгу очей съ него не сводитъ.

Въ ея лицѣ—застывшая печаль,
По цѣлымъ днямъ она, какъ призракъ, бродитъ,
А дни бѣгутъ... Имъ никого не жаль!

ЭПИТАФИЯ.

Я дѣвушкой невѣстой умерла.
Онъ говорилъ, что я была прекрасна,
Но о любви я лишь мечтала страстно,—
Я краткими надеждами жила.

Въ апрѣльскій день я отъ людей ушла,
Ушла на-вѣкъ покорно и безгласно—
И все-жъ была я въ жизни не напрасно:
Я для его любви не умерла.

Здѣсь, въ тишинѣ кладбищенской аллеи,
Гдѣ только вѣтеръ вѣетъ въ полуснѣ,
Все говоритъ о счастьѣ и веснѣ.

Сонетъ любви на старомъ мавзолеѣ
Звучитъ безсмертной грустью обо мнѣ,
А небеса синѣютъ вдоль аллеи.

ЗИМНІЙ ДЕНЬ ВЪ ОБЕРЛАНДѢ.

В. П. КУРОВСКОМУ.

Лазурнымъ пламенемъ сіяютъ небеса...
Какъ ясенъ зимній день, какъ восхищаютъ взоры
Въ безбрежной высотѣ изваянныя горы,—
Титановъ снѣговыхъ полярная краса!

На скатахъ ихъ, какъ сѣтъ, чернѣются лѣса
И бѣлыя поля сквозятъ въ ея узоры,
А выше, точно рать, бредетъ на косогоры
Темно-зеленыхъ пихтъ и елей полоса.

Зоветъ ихъ горній міръ, зовутъ снѣговъ пустыни,
И тянетъ къ нимъ уйти,—быть вольнымъ, какъ дикарь,
И цѣлый день дышать морозомъ на вершинѣ.

Уйти и чувствовать, что ты—пигмей и царь,
Что надъ тобой, какъ храмъ, воздвигся куполь синій
И блещетъ Зильбергортъ, какъ ледяной алтарь!

СИВАШЬ.

Багряная печальная луна
Виситъ вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблескъ сѣтъ
И надъ болотомъ красный сумракъ рѣтъ...
Ужъ поздно—и какая тишина!

Мнѣ кажется,—луна оцѣпенѣтъ:
Она какъ будто выросла со дна
И допотопной лиліей краснѣтъ...

Но меркнуть звѣзды. Даль озарена.
Равнина водъ на горизонтѣ млѣтъ
И въ ней луна столбомъ отражена.
Склонивъ лицо прозрачное, свѣтлѣтъ
И грустно въ воду смотрится она...

Поетъ комаръ. Тепломъ и гнилью вѣтъ.

КОНДОРЪ.

Громады горъ, зазубренные скалы
Изъ океана высятся грядой.
Подъ ними берегъ, дикій и пустой,
Надъ ними кондоръ, тяжкій и усталый.

Померкъ закатъ. Въ ущелья и провалы
Нисходитъ ночь. Гонимый темнотой,
Уродливо-плечистый и худой,
Онъ медленно спускается на скалы.

И долгій крикъ, звенящій крикъ тоски,
Вдругъ раздается жалобно и властно
И замираетъ въ небѣ. Но безстрастно

Синѣтъ море. Скалы и пески
Скрываетъ ночь—и вѣтъ на вершинѣ
Дыханьемъ смерти, холодомъ пустыни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

І. ЛИСТОПАДЪ.

	СТР.
Листопадъ	3
На распуты.	11
Вирь.	14
Изъ сказки	17
Ковыль.	18
Осенняя пѣсня.	21
„Какъ флеромъ“	23
„Къ побережью моря“.	24
Соловьи	26
Въ костелѣ	28
Послѣдняя гроза	31
Костерь	34
Астры	36
„Въ пустынной вышинѣ“.	38
„Не видно птицъ“	40
Въ отъѣзжемъ полѣ.	42
Родина.	43
„Вьется путь“	44
„Скачетъ пристяжная“.	46
„Ночь и даль“	47
Ночная вьюга	49
Въ февралѣ.	50
„Бушуетъ полая вода“.	51

	СТР.
Въ Геосиманскомъ саду	53
Три ночи	55
„Христось воскресъ“	57
„Догорѣлъ апрѣльскій вечеръ“	59
Послѣ половодья	60
„Зной“	61
„Въ сторонѣ далекой“	62
Въ маѣ	63
„Звѣзды ночью весенней“	64
Новолуніе	65
„Когда деревья“	66
„Лѣсъ шумить“	67
Родникъ	68
„Вдали еще гремитъ“	69
„Снова сонъ“	70
„Какъ свѣтла“	71
Лилии	72
Вечерняя молитва	74
Въ поѣздѣ	78
„Въ темнѣющихъ поляхъ“	80
„Отдохни“	81
Серпъ луны	82
На Днѣпрѣ	83
По вечерней зарѣ	84
„Нынче ночью“	85
„Могилы, вѣтряки“	86
„Ночь печальна“	87

	СТР.
„Неуловимый свѣтъ“	88
Разсвѣтъ	89
„Еще отъ дома“	90
Учанъ су	92
Зной	93
Закать	94
На дальнемъ сѣверѣ	95
Сумерки	96
„Зеленоватый свѣтъ“	97
„Отчего ты печально“	98
Въ заливѣ	99
„Дологъ былъ“	100
Сѣверное море	102
Плеяды	103
„Открыты жнивья“	104
Въ степи	106
„Таинственно шумить“	109
Метель	110
На хуторѣ	111
Мать	112
„И снилося мнѣ“	114

2. НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ночь и день	119
Ручей	120
Въ Альпахъ	121
Оттепель	122

	СТР.
Облако	124
Ракета	125
Подсѣжники	126
Жемчугъ	128
Съ кургана	129
Элегія	130
„Гроза прошла“	131
Въ старомъ городѣ	132
Счастье	134
„Ту звѣзду“	136
„Отошли закаты“	137
„Облака, какъ призраки“	138
На монастырскомъ кладбищѣ	139
Аккерманскія степи	140
Чатырдагъ	141
„Въ поздній часъ“	142
„Зеленый цвѣтъ“	144
„Спокойный взоръ“	145
Ночь	146
Зарница	148
Вечерняя звѣзда	149
Курганъ	150
Веснянка	152
Эпиталама	156
„Свѣтло, какъ днемъ“	158
„Смотрить мѣсяцъ“	159
Сонъ-цвѣтокъ	160

	СТР.
Изъ дневника	162
„Изъ тѣсной пропасти“	165
Ночью въ іюлѣ	166
Подъ тучей	167
На горахъ	168
Кустарники	169
„Морозное дыханіе“	170
На островѣ	171
Подъ парусомъ	172
Звѣзды	173
Весенній вечеръ	174
СТИХОТВОРЕНІЯ 1902 г.	
Смерть	179
Лѣсная дорога	180
На озерѣ	182
Первая любовь	184
„Когда вдоль корабля“	185
„Что напрасно мечтаты“	186
„Чашу съ темнымъ виномъ“	187
„Крестъ въ долину“	188
„Какъ все спокойно“	190
Бродяги	191
Забывтый фонтанъ	193
Эпитафія	194
Зимній день въ Оберландѣ	195
Сивашъ	196
Кондоръ	197

— 25 —